

БЕЛАЯ КАК СНЕГ

«Ледящий душу триллер»

NCRV Gids

scandinavian
thriller

САМЮЭЛЬ БЬОРК

Самюэль Бьорк
Белая как снег
Серия «Звезды
скандинавского триллера»
Серия «Холгер Мунк и
Миа Крюгер», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69326110

*Белая как снег: [роман] / Самюэль Бьорк; – [перевод с норвежского М.
Назаровой]: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-145483-8*

Аннотация

Норвегия, 2001 год. В поле недалеко от пригорода Осло найдены тела двух мальчиков одного возраста. Между ними убийца аккуратно разместил лису. Это преступление напомнило убийство двух мальчиков в Швеции в 1993 году. Только между телами тогда лежал заяц. В дневнике одного из детей была странная запись: «Завтра будет полнолуние. Я боюсь Волка». Дело так и осталось нераскрытым.

Холгер Мунк, глава нового следственного подразделения, собирает команду лучших норвежских детективов. Среди новобранцев – Миа Крюгер, подающая надежды студентка

полицейской академии. На фотографиях с места убийства она мгновенно обнаруживает детали, на которые опытные следователи даже не обратили внимание.

Миа и не подозревает, что участие в этом деле приведет ее в мир тьмы.

Тем временем исчезают еще два мальчика...

Содержание

1	8
2	89
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Самюэль Бьорк

Белая как снег

Серия «Триллер по-скандинавски»

Samuel Bjørk
ULVEN

Published by agreement with Ahlander Agency

Перевод с норвежского *Марии Назаровой*

© Samuel Bjørk, 2021

© Назарова М., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Двадцать восьмого апреля тысяча девятьсот девяносто

третьего года на земельном участке в Фагерхульте, в Швеции, примерно в десяти километрах на северо-восток от Уддеваллы, были найдены тела двух одиннадцатилетних мальчиков. Фермер, который их обнаружил, позже описывал свои впечатления так: «словно распахнулись врата ада». Один из мальчиков, Оливер Хелльберг, был найден абсолютно голым, лежащим на спине. Второй, Свен-Улуф Йонссон, в одних трусах лежал в нескольких метрах от первого. Между телами – мертвое животное. Белый заяц. Поскольку дело было крайне серьезным, Национальная уголовная полиция Швеции собрала команду следователей в Стокгольме для совместной работы с местным отделом Полиции Запада, но скоро стало понятно, что работа у них не ладится. В последующие годы команду заменяли не меньше трех раз, и в конце концов министру юстиции Швеции Эве Нурдберг пришлось покинуть свой пост. Группу следователей также обвинили в том, что они причастны к обнародованию дневника одного из мальчиков. Его родители, Патрик и Эмилие Хелльберг, подали иск в суд, чтобы запретить таблоидам публиковать сокровенные мысли сына и делать их достоянием общественности. Супруги выиграли первое слушание в суде Уддеваллы, но проиграли обжалование в Верховном суде западной Швеции. Несколько недель спустя мать Оливера, Эмилие Хелльберг, нашли мертвой в ванне в их семейном домике на Экескашвеген. Она покончила с собой четырнадцатого октября тысяча девятьсот девяносто третье-

го года, который впоследствии стали называть «позорным днем» в истории шведской журналистики, дневник мальчика был полностью опубликован в двух газетах: «Экспрессен» и «Афтонбладет». Первые полосы обеих выглядели одинаково: на них были последние слова из дневника мальчика, написанные курсивом:

Завтра будет полнолуние. Я боюсь Волка.

Дело так и не было раскрыто.

Апрель 2001

Стоя на парковке у старой школы Фредхейм в Лёренсуге, Томас Боркгреник надеялся, что хоть немного подует ветер. Он понятия не имел, почему выбрал для встречи именно это место, видимо интуитивно. Безветрие. Наверное, чтобы как можно больше усложнить все для него, да? Тридцатишестилетний норвежец бросил взгляд на часы, когда стая ворон слетела с дерева. Пустынную местность пронзил громкий горловой птичий крик. Здесь не было ничего, только участки земли, гравийный карьер и старое белое здание – школа, в которую он сам ходил, когда был маленьким. В другой жизни. До того случая. Давно он не был в этих местах. Да и вообще нигде не был. Двенадцать лет за решеткой. Он освободился несколько месяцев назад и все еще не мог привыкнуть к этому ощущению. Что можно делать что хочешь. Томас Боркгреник плотнее укутался в куртку, сел на ступеньки старой школы и подставил лицо под слабые лучи солнца, выглядывавшего из-за рощи.

Без пятнадцати девять. Они договорились на десять, но Томас решил не рисковать. Она могла сделать все что угодно. *Видите, мы договорились на девять, а он еще даже не пришел? Вы правда думаете, что у него есть право навещать сына? В последний раз они виделись, когда мальчику было всего два года, вы же это понимаете?* Кроны деревьев у дороги вдруг зашевелились, и Томас резко почувствовал прилив оптимизма. Может ветер все-таки поднимется? Это, конечно, тупая идея. Воздушный змей? Томас всю голову сломал, чем им тут заняться. Зайдя в магазин игрушек, он стоял там так долго, пока продавщица наконец не спросила, все ли в порядке. В порядке? Ну ясное дело, что ничего не в порядке. Как она вообще могла такое спросить? Хотя, разумеется, ее вины здесь нет. Поэтому он решил взять первое, что пришло на ум, и самое лучшее. Воздушного змея. На улице. Около старой школы. Запустить вместе змея. Здорово ведь, правда? Сейчас он, конечно, пожалел об этом, когда ветер снова стих в верхушках деревьев. Шахматы, вот что он на самом деле планировал. Научить парня правилам, может, сыграть вместе, но эту мысль Томас отбросил, узнав, что встреча будет на улице. На расстоянии. Что она ни при каких обстоятельствах не оставит их вдвоем.

Ее тон был совсем не такой, как тогда, когда она пришла его навестить. Сив Юнсен. Он даже не помнил, кто она такая. *Борггренинк, к вам посетитель.* Впервые за три года. *Девушка. Она ждет в комнате номер три.*

Посетитель?

Девушка?

Мама?

Нет.

Конечно же нет.

Нарядилась, словно по особому поводу, с цветами в волосах, румянцем на щеках и в коротком летнем платье. Сив Юнсен. Одноклассница из старшей школы. В те несколько месяцев, которые он успел туда походить, до того, как поддался голосам в голове. Сив приходила каждое четырнадцатое число, почти три года, и под конец начала нравиться Томасу. Затем фотографии из родзала. С первого дня рождения мальчика. *Мартин скучает по папе!*

А потом все.

Больше не приходила.

Нашла другого, постепенно это стало понятно.

Да и бог с ней.

Но ребенок?

Самый милый мальчик на свете.

Его сын.

Мартин.

Ну уж нет, черт ее побери.

Томас Боркгренинг встал со ступеньки и вышел на парковку, чтобы стряхнуть с себя злость.

Спокойно.

Не выходи из себя.

Пусть она однажды и прекратила навещать его и вместо этого он стал получать письма, напечатанные на принтере безличными юристами, где говорилось, что он больше не сможет видеть малыша.

Томас пнул камень ногой и снова взглянул на часы.

Пятнадцать минут десятого.

Никого не видеть.

Зачем вообще было назначать встречу здесь? Где ничего нет. Из Финстада идет улица Лусбювейен, а тут вообще почти никто не живет. За поворотом полигон для стрельбы. Гравиевая площадка за опушкой вдалеке. Томас знал тут каждый камешек, он обожал эту школу, это место. Он приходил сюда рано утром, чтобы не быть дома, в мрачном здании с этими холодными людьми, которые вроде как должны были о нем заботиться. На ночном столике будильник со стрелками-руками Микки Мауса показывал, что пора вставать, чтобы не опоздать в школу, и бесшумно выйти из комнаты в носках, чтобы никого не разбудить, и положить с собой еду из того, что найдется в холодильнике.

В школе он не был отличником, но и двоечником тоже – так, середнячок.

Но там он чувствовал тепло.

От тех, кто не был равнодушен к нему.

Без пятнадцати десять приехала первая машина, немного ржавая «Тойота Королла». Из нее вышла блондинка в круглых очках, нервно протянувшая ему руку.

– Астрид Лом, Служба защиты детей.

– Томас.

Она кашлянула, открывая папку, в которой наверняка было все то, что ему уже прислали.

Осужден за убийство.

Восемнадцать лет.

Освобожден досрочно за хорошее поведение.

Мать одобрила встречу с сыном.

Под присмотром.

Без пяти десять, и вот наконец едет вторая машина.

Белая.

Дорогая.

Естественно.

Она нашла кого-то получше, но это не важно. Не сейчас.

Томас ощутил, как его бросило в жар и вспотели ладони, когда он пошел встречать их.

– Нет, нет, подождите.

Женщина из опеки остановила его рукой.

– Да, конечно, прошу прощения.

Шаг за шагом. На условиях мальчика.

Мартин.

Это был он.

Томас широко улыбнулся, когда дверь машины открылась.

Темные волосы.

Коричневый свитер.

Потерянный взгляд. Мальчик стоял у машины, и никто из сидящих на переднем сиденье ему не помог.

Тупые кретины.

Вы что, не видите, что он?..

К счастью, специалист органов опеки немного понимала детей. Она быстро перешла парковку и, держа мальчика за худые плечи, подвела его к Томасу, и вот сын вдруг оказался рядом. Томас Боркгренинг едва сдерживал слезы.

– Привет, Мартин.

– Привет...

Его красивые голубые глаза смотрели не на отца, а куда-то вниз, на ботинки.

– Как у тебя дела?

– Что?

И он поднял глаза с небольшим любопытством.

– Классный у тебя свитер.

– Э-э... спасибо.

Мальчик посмотрел на женщину, словно чтобы спросить, кто она такая и что здесь делает.

– Это робот?

– А? Нет, это Бионикл.

Томас осторожно сделал шаг вперед.

– Бионикл. Крутой.

Мальчик слегка посмеялся.

– Это не его имя, он один из «Биониклов».

– А, вот оно что. А как тогда зовут?

– Этого?

– Да.

Блондинка немного отступила назад.

– Этого – Макута.

– Круто. Это твой любимый?

Мальчик осторожно посмотрел на отца.

– Э-э... нет. Мой любимый – Элек, но свитера с ним не было в магазине.

– Обидно.

– Ага. Но у меня есть его фигурка.

Мартин бросил взгляд на белую машину.

– Жалко, я не знал, что тебе тоже нравятся Биониклы, я бы тогда захватил фигурку с собой.

– Да ничего страшного.

Мальчик сдул челку со лба и с любопытством посмотрел на лежавший у лестницы пакет.

– А что в пакете?

– Ничего особенного, увы. Я надеялся, что сегодня будет ветер.

– Ветер? Зачем?

– Чтобы мы могли запустить воздушного змея. Но я не знаю, ты, наверное, решишь, что это скучно?

– Почему скучно, – улыбнулся сын. – Давай запустим.

Кроны деревьев снова зашевелились, значит, кто-то свер-

ху все-таки за ними наблюдает.

– Правда? – улыбнулся Томас. – Попробуем запустить?

– Давай, – кивнул мальчик.

– Наверное, лучше пойти подальше на поле. Думаю, там ветер сильнее.

Он достал змея из пакета и посмотрел на сотрудницу опеки.

– Можно мы...?

Она кивнула.

– Почему ты спрашиваешь ее разрешение? – спросил мальчик, когда они отошли от старого здания и положили змея на землю.

Апрель в Норвегии.

Запах свежевскопанной земли.

Скоро посеят зерно, и за лето колоски пожелтеют.

Томас замешкался.

Но сдержался.

– Она приглядывает.

– За кем?

– За тобой. Ну что, ты первый? Ты беги, а я буду держать.

– Ладно.

Мальчик еще раз улыбнулся и поднял змея в воздух.

Теперь уже ничто и никто не имели значения.

Те люди в машине.

Чиновница со своими бумажками.

Все эти годы.

Все это исчезло.

Есть только маленький мальчик, с широкой улыбкой бежавший за змеем, наконец взмывшим в воздух и гордо парившим высоко в облаках.

– Смотри! Офигеть!

Всего двадцать секунд, и змей опустился на землю в конце поля.

И тут случилось то, что Томас Боркгрэнвинк не забудет никогда.

Мальчик вернулся с совершенно другим взглядом.

– Что такое, Мартин?

– Там кто-то лежит.

– О чем ты?

Маленькой ручкой сын стыдливо пытался прикрыть мокрое пятно на штанах.

– Они не двигаются.

2

Холгер Мунк сидел в «Ауди», из динамиков звучала сюита для виолончели номер один соль мажор, и он опять мучился угрызениями совести за то, что в очередной раз ушел посреди воскресного семейного завтрака. И не то чтобы домашние возмущались. Они никогда ничего не говорили. Когда бы ему ни позвонили. Поздно вечером. В разгар отпуска. В рождество, когда на стол только что поставили свиные реб-

рышки. Что бы ни было – к нему всегда относились с полным пониманием. Сорокатрехлетний Холгер Мунк вот уже почти двадцать лет работал следователем по делам об убийствах, и все это время она была рядом. Марианне, его одноклассница из старшей школы. Любовь с первого взгляда, они поженились, как только сдали выпускные экзамены. И лишь через девять лет у них родилась желанная дочка, Мириам. Теперь ей четырнадцать, и с ней было вовсе не так трудно, вопреки бытующему мнению о сложностях подросткового возраста. Семья всегда поддерживала Холгера, как бы часто он ни отсутствовал дома. Они даже отметили его продвижение по службе прошлой осенью, хотя и понимали, что это означало для него еще бóльшую занятость. Вновь созданный отдел по расследованию убийств обосновался в самостоятельном корпусе. Удаленно от центрального отделения полиции в Грёнланде. Холгеру Мунку не только доверили руководство новым проектом, но и дали полную свободу в подборе сотрудников. Впервые за много лет у него выдалась отличная зима. Раньше он ходил на работу в полной темноте с заиндевевшей бородой и проклинал все и вся, особенно дебилов, обожавших снег и лыжи. Но в этом году в голове Мунка были совсем другие мысли. Он – руководитель. В общем-то, основатель – вот как он себя ощущал. И все-таки что-то промелькнуло во взгляде Марианне, правда?

Толстяк-следователь стряхнул с себя чувство вины и показал пропуск служащему, стоявшему у ограждения, но по

виду этого юного полицейского уже все было понятно.

Случилось что-то из ряда вон.

Встревоженный взгляд при внешней суровости парня в униформе спустя минуту после того, как Мунк припарковал машину около белого здания школы.

– Нильсен, дежурный полиции.

Мунк кивнул, доставая сигареты из нагрудного кармана бежевого пальто с капюшоном.

– Из моих людей кто-то уже на месте?

– Э-э, да... блондинка. Она вроде бы адвокат?

– Голи.

– И еще тот в костюме. Фредрик?

– Риис, – сказал Мунк, закуривая.

– Первым приехал криминалист, он тут уже давно, – сообщил мускулистый полицейский, показав на поле.

– Судмедэксперт?

– Тоже прибыл. Некоторое время назад.

Полицейский снял одну перчатку и приложил палец к карте.

– Мы перекрыли дорогу вот здесь и здесь. Лусбювейен. Тут людей немного. Несколько домов, доступ пришлось оставить открытым, поэтому мы протянули ограждение вдоль улицы Волервейен. Что думаете?

– А периметр земельного участка?

– Там наши люди, – кивнул Нильсен. – Все должно быть в порядке.

– Что еще тут у вас?

Мунк с любопытством посмотрел на карту и поднял взгляд на лес вокруг.

– Какой-то кошмар, – пробормотал Нильсен. – Тела мальчиков лежат там, вот точка на карте. Как видите, со всех сторон участки, а за ними лес. Мы предполагаем, что преступник мог зайти *здесь* и уйти тем же путем. Как по мне, свободный путь, нам очень повезет, если кто-то его видел.

– А это что? – спросил Мунк, ткнув в точку на карте.

– Стрельбище.

– Его оцепили?

– Э-э... нет, оно же недалеко...

– Перекройте его, – удрученно сказал Мунк. – И отправьте туда людей. А это что?

– Огромный гравийный карьер, – ответил Нильсен, указав рукой на даль леса. – Нам тоже?..

– Если вы еще этого не сделали, то да. Еще...

Мунк посмотрел на полицейского – у того был виноватый вид.

– Отправить туда людей? – наконец спросил он.

– Хорошо, – кивнул Мунк и пошел к Анетте Голи – та только что вышла из белого здания.

Его первый сотрудник.

Он не сомневался ни секунды в ее кандидатуре.

– Ты уже ходил туда? – спросила профессиональный адвокат, проведя рукой по светлым волосам.

– Еще нет. Как там?

– Плохо. Только что звонил Вик – спрашивал, накрыть ли их или ты сначала так посмотришь?

– Пусть не трогают, – ответил Мунк, прикуривая новую сигарету от предыдущей. – Кто их нашел?

– Там просто цирк, – вздохнула Голи, устало кивнув на здание. – Я пытаюсь разобраться в их отношениях.

– И что там?

– Насколько понимаю, дело об отцовстве. Парень пришел встретиться с сыном. Мать с новым мужем в сопровождении женщины – наверное, из опеки. Но я не уверена. Пока пришлось их разделить. Отец в одной комнате, остальные в другой, поговоришь с ними?

– Пока нет, позаботься, чтобы они дали полные показания.

– Хорошо, Катя займется этим.

– Она здесь? – Мунк слегка улыбнулся. – Я думал, она...

– Ну, видимо в Крипосе¹ все же оказалось не так круто, – подмигнула Голи. – Я подобрала ее по пути сюда. Ты же не против?

– Конечно нет, – ответил Мунк с улыбкой.

Сотрудник номер два.

Катя ван ден Бург.

Этот выбор был очевиден, как и первый.

– Ну что, пойдешь?

¹ Центральное управление уголовной полиции Норвегии.

– Да, где они лежат?

– Иди туда, – указала Голи. – Я бы на твоём месте надела другую обувь, там довольно сыро.

– Ладно.

Мунк бросил сигарету на гравий и пошел к машине за резиновыми сапогами.

3

Двадцатиоднолетняя Миа Крюгер сидела за задней партой маленькой аудитории в подвале Высшей школы полиции, с трудом удерживая глаза открытыми. Она опять бродила всю ночь по улицам. Коснулась головой подушки только в... шесть, вроде? Она сдержала зевок, когда лектор с ежиком на голове и в начищенных ботинках переключил слайд на проекторе. Твою мать, ну почему было не уйти пораньше? Она ведь так ждала эту лекцию. Информационная встреча об отряде быстрого реагирования «Дельта». Это же поэтому она пошла сюда. Несмотря на предостережения родителей. Какой у мамы был скорбный взгляд, когда Миа сообщила, что изучение литературы в Университете Осло ей не подошло. Что она уже забрала документы. Что решила немного попутешествовать и осенью все начать заново.

Но, Миа, полиция? Послушай...

Да какая теперь уж разница. Миа прочла статью в журнале о том, как невероятно сложно поступить туда, что еще ни

одна женщина не подошла под требования, и сразу же решилась. Да. «Дельта». Туда ей и надо.

Так что идите все к черту.

Миа Крюгер снова подавила зевок, когда на экране появился список. Предварительный, конечно. Минимальные требования. Далее ее ждали адские недели физических и психологических тестов, тут-то и отсеивались те немногие девушки, кто пробовал попасть в отряд. Но не она. Конечно нет. Легко. Она будет номер один. Она им всем покажет раз и навсегда, правда же? Этим сраным шовинистам, которые окидывают ее насмешливым взглядом, не понимая, какого хрена она тут забыла. Единственная девушка в аудитории.

На первом ряду кто-то ухмыльнулся, какой-то блондин, считавший себя венцом творения. На первом курсе он к ней подкатывал в спортзале, всего через пару недель учебы, и Мию тошнило от одной лишь мысли о нем. Эти пикаперские приемчики из какого-нибудь сборника для неудачников – он перекачивал мускулы перед зеркалом с неандертальской уверенностью в том, что ее это привлечет.

Какие у тебя красивые глаза...

Синие, как самый прекрасный океан...

Да что ты говоришь?

Да ты у нас поэт.

А у тебя они слишком близко расположены. Знаешь, вообще между линией волос и глазами должен быть лоб.

А какие у тебя необычные черные волосы... Как они кра-

сиво ниспадают на твои хрупкие плечи... Какая ты необыкновенная. Любишь немного повеселиться?

Господи.

Серьезно?

Неудачник сраный.

Она срезала их тем же вечером у себя в общежитии на Торшов. В ярости встала у зеркала и работала ножницами, пока все ее волосы не оказались в раковине.

На экране появился список требований, которые Миа знала как свои пять пальцев. Как жаль, что она не купила себе кофе по дороге. Пусть он из кофе-автомата и на вкус дерьмо. Что угодно, только бы не ощущать, что можешь отрубиться в любую секунду.

Она собралась с силами и посмотрела на экран.

Три тысячи метров меньше чем за двенадцать минут тридцать секунд.

Есть.

Еще дома в Осгорстранне она пробегала эту дистанцию за одиннадцать минут пятнадцать секунд, а мерзкий тренер, любивший отпускать комментарии про фигуры девочек в обтягивающих лосинах, каждый раз чесал затылок, смотрел на секундомер и просил Мию пробежать еще раз – «здесь какая-то ошибка».

Да ладно?

Пошел ты в жопу.

Пятьдесят приседаний.

Серьезно?

Есть.

Пятьдесят отжиманий.

Тренировка этого упражнения заняла бы у нее больше времени, но нет. Она прикрутила турник к потолку маленькой квартирки в общежитии, которую делила с двумя однокурсницами, больше заботившимися о своем внешнем виде и о том, чем и с кем занимался в пятницу вечером после пивной вечеринки, устроенной студсоветом. Каждое утро, пока не проснулись соседки, Миа подтягивалась, пока не отказывали руки.

Десять подтягиваний с перехватом.

Одним ударом двух зайцев.

Есть.

Проплыть четыреста метров.

Серьезно, что ли?

Есть.

Подводное плавание на глубине четырех метров.

Миа улыбнулась самой себе.

Два года назад, летние каникулы после окончания школы, мексиканское побережье. На волнах под облаками покачивался белый корабль, те милые люди, фридайверы, и он, тот голубоглазый мускулистый француз...

Ты почувствуешь такую свободу на глубине, Миа.

Она никогда еще этого не пробовала.

Нырять.

Ни с кислородным баллоном, ни без него.

Темнота в глубине, тишина – как потрясающе красиво.

Их испуганные лица на палубе, когда она наконец вынырнула на поверхность.

Боже мой, да ты с ума сошла.

Вскоре тот француз пропал, но это было совершенно неважно, ведь Миа уже нашла свою большую любовь.

Темнота.

Одиночество.

Морская глубина.

Нырнуть на четыре метра?

Да без проблем.

Смешно.

Есть.

Боец из отряда «Дельта» в начищенных берцах заметил ее – она увидела это.

Что ты тут вообще забыла?

Миа всегда была такой. Словно чувствовала то, что чувствовали другие.

Ты видишь то, что не видят другие. Правда, дружочек?

Бабушка. Она не была ей родной, и все-таки они были так похожи. Обе отличались от других... Иногда даже вели себя как сумасшедшие. В свои восемьдесят бабушка выходила сидеть в саду, поковыть на луну, как она говорила, до поздней ночи, курила трубку, пила виски и плевать хотела на то, что о ней думают люди.

Мобильный пискнул, и, машинально отреагировав, Мия быстро вынула его из сумки.

Сигрид?

Нет.

Естественно.

Она не получала вестей от сестры уже много месяцев.

Поэтому она и ходила по городу ночами.

Бродила по улицам с напечатанными листовками.

Вы не видели эту девушку?

Сигрид Крюгер.

Пожалуйста, позвоните, если что-нибудь узнаете!

Сигрид и Миа.

Белоснежка и Спящая красавица.

Близнецы.

Одна светлая, другая темная.

Их родила шестнадцатилетняя девочка, которая не могла и не хотела оставить детей у себя. Сестер удочерили Эва и Кюлле Крюгер, учительница и торговец красками из Хортена. Миа инстинктивно положила руку на браслет на левом запястье. Подарок на конфирмацию. Якорь, сердечко, буква «С» на браслете Сигрид и «М» на браслете Мии. Однажды ночью, лежа под одеялом на чердаке, они договорились.

Давай ты возьмешь мой, а я твой?

С тех пор Миа его не снимала.

Сигрид, мать твою.

Где тебя носит?

Миа отбросила гнетущие мысли и убрала телефон в сумку. Вдруг дверь открылась, и заглянула женщина из офиса.

– Извините, что прерываю вас, но Миа Крюгер здесь?

По аудитории пронеслось бормотание.

Вдруг все взгляды обратились к ней.

– А, да, я тут.

– С вами хочет поговорить ректор.

– Ладно...

Женщина продолжала стоять на месте.

– Сейчас?

– Да, сейчас.

С первого ряда донесся ехидный смех, когда Миа собрала свои вещи. Она как можно быстрее стала спускаться по лестнице.

– Что случилось?

Дверь закрылась, и они с женщиной остались на лестнице одни.

– Я не знаю, – ответила седая дама. – Но, видимо, что-то важное. Вы знаете, куда идти?

– Знаю, – кивнула Миа, закинув сумку на плечо.

На лифте вверх и через площадь в главный корпус.

Что на этот раз?

Она уже бывала там.

Маленькая девочка стояла, склонив голову у стола директора средней школы, смотря на нее взрослым взглядом, который та не могла принять всерьез...

Дисциплина, Миа. Мне поступают жалобы от учителей...

Ну да, ну да.

Я не виновата, что они тут считают, будто мы живем в пятидесятых.

Ты что, спишь в школе, Миа? Вендельбаум сказал, что нашел тебя спящей на полу в классе...

Да наплевать.

Она ходила во Фрогнерпарк. Искать Сигрид. За Монолитом², где обычно зависают наркоманы, всего в паре сотен метров от школы. А долгую дорогу домой не осилила.

Постучав в дверь и открыв ее, она увидела совсем другое лицо и услышала мрачный голос.

– Добрый день, Миа. Проходите, проходите.

Она переминалась на пороге, не вполне понимая, что происходит. Ректор, Магнар Иттре, встал с места с распростертыми объятиями.

– Хотите чего-нибудь? Может, кофе?

4

Мунк сидел в кофейне на углу Бернт Анкерсгате и Марибуэсгате, всего в нескольких сотнях метрах от нового офиса, выключив звук на обоих мобильных. Следователь был ста-

² Центральная скульптура в парке Вигеланда.

рой закалки и до сих пор не привык к бесконечному писку телефонов в карманах. Он предпочитал спокойную обстановку, когда нужно подумать, а сейчас для этого не было никакой возможности, с постоянными звонками в последние двадцать четыре часа. Мунк ответил только на один – от его бывшего коллеги, который теперь занимал пост ректора Высшей школы полиции, – только чтобы сказать, что у него нет времени разговаривать. Но Иттре пребывал в таком возбуждении, что даже не дал Мунку договорить. *Кажется, я нашел для тебя кое-кого, Мунк.* Совершенно не вовремя, но Мунк нехотя согласился.

Иттре уже рассказывал ему об этом тесте, разработанном учеными из Калифорнийского университета. Обычно его проводили старшекурсникам в форме игры, чтобы те не ощущали давления. Пара фотографий с места происшествия. *Что вы видите?* Эта девочка, кажется, побила все рекорды.

Ну что ж, полчаса ничего не решат. Заодно можно перекусить. Недавно звонила Марианне – как всегда переживала, поспал ли он и поел ли что-нибудь.

Она немного необычная, Мунк.

Просто дай ей шанс, ладно?

Мунк только успел поставить на стол поднос с булочкой и кофе, когда открылась дверь, и он увидел ее.

Двадцать один год.

Молодая, но по опыту Мунк знал, что это ничего не зна-

чит. Нескольким сотрудникам в его команде, на самом деле самым способным, было меньше тридцати. Не то чтобы он собирался нанимать еще людей, но обычно спокойный Иттре был таким восторженным в разговоре с ним. *Мы никогда не видели ничего подобного, Мунк. Даже близко. Эта девочка – нечто особенное.*

Конечно, это всколыхнуло в следователе любопытство.

Она была одета в черную водолазку, черные узкие джинсы, черные «конверсы», а через плечо висела черная сумка, но прежде всего Мунк обратил внимание на ее глаза.

Ослепительно голубые, удивительно ясные. Смугловатая кожа, как у индианки. Угольно-черные волосы средней длины, словно обрезанные тупыми ножницами, но, кажется, ее это особо не беспокоило. Молодая студентка подошла к нему с прямой спиной, словно их встреча была чем-то совершенно обыденным, и протянула руку.

– Миа Крюгер.

– Привет, Миа. Добро пожаловать.

– Спасибо, – сказала она и села, не собираясь снимать сумку с плеча.

– Хочешь что-нибудь поесть? Или попить?

Она бегло взглянула на меню за стойкой.

– Нет, спасибо.

– Может, ты не пьешь кофе?

– Пью, но не здесь.

– Вот как? – удивился Мунк. – Ты, наверное, настоящий

знаток кофе?

Это была шутка. В последнее время Осло заполонили разнообразные кофейни, одна моднее другой – там сидели юные жеманные хипстеры, для них это стало какой-то новой религией, но его замечание ее совершенно не затронуло.

– Вы это хотели мне показать? – она кивнула на две коричневые папки, лежавшие под телефонами Мунка.

– Да. Иттре тебе что-нибудь говорил?

Она покачала головой.

– Хорошо, – кивнул Мунк. – Я хочу, чтобы ты посмотрела на эти фотографии и сказала, что думаешь. Ладно?

– Ладно.

– Вот здесь, – продолжил Мунк, достав первую папку, – фотографии с места преступления, где мы были вчера утром. А здесь... – он положил вторую папку рядом с первой, – фотографии с места преступления в Швеции. Восьмилетней давности. Я хочу, чтобы ты посмотрела обе папки и сказала мне, что думаешь.

– О том, один ли был преступник?

– Этого я не говорил.

– Но имели в виду?

Она нахмурилась и вопросительно посмотрела на Мунка, и он слегка улыбнулся. Иттре был прав, эта девочка и правда нечто особенное. Он же сам Холгер Мунк. Руководитель отдела по расследованию дел об убийствах на Марибуэсгате, 13. Он привык к тому, что люди смотрели на него чуть ли

не с подобострастием, но у этой студентки не было на него и намека.

– Да, я имел в виду это.

– А почему не сказали?

– Потому что это могло бы ограничить ход твоей мысли.

А я хочу, чтобы ты ничем себя не ограничивала, насколько это возможно. Вдруг ты увидишь то, чего не заметил я.

– Хорошо, я поняла, – сказала Миа, повернув к себе папки.

Не открывая, она выжидающе на них смотрела.

– Можно я побуду одна? – произнесла она и подняла взгляд на Мунка, когда он все еще не понял намека.

– Конечно. Сколько времени тебе нужно, как думаешь?

– Не знаю. Минут двадцать?

– Само собой. Я буду на улице, если тебе что-нибудь понадобится.

Мунк встал, взял с собой булочку, вышел и сел на лавку на другой стороне улицы.

Девять неотвеченных, большинство от Анетте.

– Привет, это Холгер. Что там у вас происходит?

Адвокат на другом конце вздохнула.

– Спроси лучше, чего у нас не происходит. Драйер хочет брифинг. Видимо, на нее давит министерство, она считает, надо созвать пресс-конференцию...

– Я же сказал, подождите.

– Я так ей и передала, но действия это не возымело.

– Не возымело? – раздраженно переспросил Мунк.

– Не ори на меня, ты отлично знаешь, какая она.

Ханне-Луисе Драйер. Новый начальник Управления полиции в Грёнланде. Управление сильно сопротивлялось, когда стало известно о том, что отдел по расследованию дел об убийствах переезжает. Начальство, недовольное его работой, махало шашкой, и Мунк очень надеялся, что смена руководителя ему поможет, но не в этот раз. Видимо, такова участь – никогда не будет у него хороших отношений с начальником. Да и ладно. Сейчас карты в руках у него, и ничего с этим поделать они не могут – это их и бесило.

– Попроси ее подождать, – сказал Мунк. – Мы не станем обнародовать имена, пока не поговорим с обеими семьями, что ей тут непонятно?

– Я попросила – хватит на меня кричать. Мать Томми прилетает в час дня, я отправила Катю забрать ее в аэропорту. Что это за мать, черт бы ее побрал: улететь в Испанию в отпуск, оставив одиннадцатилетнего ребенка дома одного?

– Может, у нее были причины, пока не будем осуждать.

– Попросила соседей присмотреть за ним, а те даже не знали об этом.

– Займемся этим, когда она приедет. Что по фургону?

Пока что это их единственный след. Кто-то видел белый фургон в лесной роще у Лусбювейен.

– Уксен сейчас в транспортном управлении. На дороге нет съездов до гольф-клуба, значит, туда фургон уехать не мог.

Сосредоточимся на шоссе 159 в обоих направлениях и на пункте оплаты дороги на Е6. Они сейчас ищут фотографии, нам удалось найти семь камер, если я не ошибаюсь. Он на другой линии и сообщит, как только будут новости. Но послушай...

– Да?

– Белый фургон? Сколько таких в Осло?

– Это было утром в воскресенье, – успокаивающе сказал Мунк. – Будем надеяться, что нам повезет. Что там семья Лундберг?

– Очень помогают следствию, – продолжила Голи. – И очень спокойные, на самом деле. По-моему, они не до конца понимают, что произошло. Фредрик сейчас там, он должен мне скоро позвонить. Бриф в четыре, как договорились?

– Да, предупредишь всех?

– Хорошо. Слушай, мне пора, опять Драйер звонит.

– Никаких пресс-конференций, пока... – начал Мунк, но Анетте уже положила трубку.

Чертовы кретины.

Почему нельзя оставить их в покое?

Словно ему больше заняться сейчас нечем.

Выкурив три сигареты, Холгер Мунк предположил, что студентка в кафе, судя по всему, закончила. Он наблюдал за ней в окно все это время. Миа почти не шевельнулась, только закрыла папки.

– Ну как дела? – спросил Мунк, вернувшись за столик.

Она словно не заметила его прихода. Ее голубые глаза были широко раскрыты, но мыслями она находилась где-то далеко.

– Сорри, – наконец произнесла девушка, проведя рукой по черным волосам.

– Все в порядке, – заверил Мунк, бросив взгляд на часы.

Он ушел из офиса уже почти сорок минут назад. Пора заканчивать. Все это, бесспорно, очень интересно – этот тест. Просьбу Иттре Мунк выполнил скорее из любопытства, и все-таки у него есть дела поважнее. И конечно, у него те же мысли, что и у Анетте.

Что за мать поедет одна в Испанию, оставив одиннадцатилетнего мальчика одного дома без присмотра?

– Тут не хватает нескольких снимков, – осторожно сказала студентка.

– Что-что?

Она приложила палец к одной из папок.

– В этой папке.

– О чем ты?

– Я же сказала. Не хватает фотографий.

Мунк нахмурился.

– Я не совсем понимаю тебя...

– Он же должен был как-то забраться повыше, правда?

– Кто?

– Преступник.

Девочка посмотрела на него странным взглядом.

– Должен же он был на чем-то стоять?

5

Фредрик Риис припарковал машину около дома на Тимотейвейен и стал смотреть на низенькие домики на той стороне участка. Финстад – посередине между Лиллестрёмом и Осло. Недалеко от Лёренсуга. И не город, и не деревня. Сам двадцатисемилетний полицейский с рождения жил в Брискебю, в самом сердце Фрогнера, в доме с видом на знаменитую старую пожарную станцию. Его родители переехали в Бэрум еще десять лет назад, когда отец сократил врачебную практику. Он был одним из самых признанных пластических хирургов Скандинавии. Родители отдали Фредрику квартиру, когда ему было семнадцать, и с тех пор виделись они с сыном нечасто. И не то чтобы его это беспокоило. Он не особенно скучал по ним. Когда его спрашивали о детстве, Фредрик никогда не знал, какими словами его описать. Он чувствовал, что его словно не замечали. Как будто на самом деле родителям не было дела до сына. Ему казалось, что они испытали облегчение, когда он наконец дорос до того возраста, что можно было отделаться от него, преподнеся подарок. *Смотри, вот тебе квартира. Теперь справишься сам.* Да какая уже разница. В детстве Фредрику пришлось многому научиться, и он был намного сильнее, чем казался со стороны.

Фредрика охватило яркое воспоминание – это было тем немногим приятным из его детства. Поездки сюда. В Финстад. Тут жил его двоюродный брат, и пока отец по какой-то причине не поссорился с дядей, они часто здесь бывали. Жизнь в Финстаде тогда завораживала Фредрика. Тут все было так непохоже на тишину их городской квартиры. На улицах с идиллическими названиями – Тимотейвейен, Клёвервейен, Тюлипанвейен, Конвалиевейен³ – стояли рядами большие разноцветные дома с великолепными зелеными садами. Когда мальчику было десять, он с завистью смотрел на то, что здесь было у детей: спортивные стадионы, детские площадки, цветущие поля, а главное – волшебные леса, куда можно было отправиться за приключениями. Каждый раз, когда они въезжали в городок, Фредрик с замиранием сердца сидел на заднем сиденье, потому что родители всегда вели один и тот же разговор, а не переехать ли им сюда. Мама была настроена позитивно – она сама выросла в такой местности, но отец, конечно, постоянно был против. *Мы не будем жить в деревне.* И все на этом. Фредрик помнил свое разочарование, когда разговор родителей от раза к разу заканчивался одним и тем же. Помнил, как он хохотал под струями воды из шланга в роскошном саду. Как они с братом играли в пиратов в лесу, разукрасив себе лица, с саблями и пистолетами, которые сами сделали в дядиной мастерской. Помнил время, проведенное в семье дяди. Казалось, что там все

³ Улица тимофеевки, клевера, тюльпанов, купены.

действительно любят друг друга и любят проводить время вместе.

Пейзаж, который открылся ему сейчас, напомнил и о другом. *Бедные*. Так их называл двоюродный брат. У них не было своих домов, и они жили в бараках за забором, всего в нескольких сотнях метров от дома дяди. Когда Мунк спросил, сможет ли Фредрик быть главным связующим с семьей мальчика, того охватило странное чувство. Тимотејвейен, 18? *Я же там уже бывал, да?* Там жил мальчик, с которым играли они с кузенom, Фредрик, конечно, не помнил его имени, давно это было. Теперь в большом сером доме жила другая семья. Четыре незнакомых имени на яркой табличке на двери. *Здесь живут Санна, Рубен, Вибекe и Ян-Отто Лундгрен*. Вдоль дороги припаркованы машины, рядом – фотографии с длинными объективами стараются быть деликатными, и тем не менее. Имена мальчиков еще не обнародованы, но, естественно, пресса уже все знала. Один из мизантропских аргументов отца против переезда сюда был: *здесь тебя никогда не оставят в покое любопытные соседи и идиоты, всюду сующие свои носы*.

Рубен Лундгрен.

Одиннадцать лет.

Найден голым меньше чем в километре от дома.

Рядом с другим мальчиком.

Томми Сивертсеном.

Из барaков по другую сторону забора.

Фредрик нажал кнопку звонка и отошел на пару шагов назад.

– Да?

Из дверного проема полуоткрытой двери высунулось чье-то лицо.

– Здравствуйте. Ян-Отто?

– Да.

Мужчина странно посмотрел на следователя, словно не до конца понимая, что на пороге кто-то стоит.

– Фредрик Риис. Я вам звонил.

– А, да-да. Здравствуйте. Проходите.

Совершенно обычный дом. Обычная металлическая лестница, дрожащая под их шагами. Совершенно обычный коридор. Сапоги и ботинки, рядами стоявшие на стеллаже из «ИКЕИ». Куртки различных размеров и цветов на разноцветных крючках, под ними – полочка с корзинами, подписанными *Шапки*, *Шарфы*, *Варежки* витиеватым шрифтом на наклейках. Мама, Вибекке Лундберг, тридцать восемь лет. Начальник продаж в компании по программному обеспечению, в главном офисе около торгового центра «Стрёммен». Папа, Ян-Отто Лундберг, сорок два года, системный инженер в «Теленоре». Санна, пять лет, ходит в детский сад «Лёкен» в паре сотен метров от дома.

Совершенно обычная семья.

Совершенно обычная жизнь.

До тех пор, пока им не позвонили.

Двадцать четыре часа назад.

Мужчина с отсутствующим взглядом попытался изобразить на лице улыбку, когда Фредрик разулся и прошел за ним в гостиную к столу, накрытому у окна, выходявшего во двор. Термопот, маленькие кофейные чашечки, миска с печеньем. Мама, Вибекке, сидела на одном из венских стульев с таким же мертвым взглядом, как у мужа. Когда они вошли, она медленно поднялась со стула.

– Вибекке Лундгрэн.

Ладонь Фредрика пожала ее почти безжизненная рука.

– Фредрик Риис. Отдел по расследованию дел об убийствах.

Худенькая женщина дернулась, когда он произнес это, и он тут же пожалел о своих словах. Надо было представиться как-то более нейтрально, просто *полиция*, но он сказал так на автомате, а ведь он должен быть связующим звеном между семьей и полицией, и он настраивал себя на эту роль.

Конечно, он бы никак не мог подготовиться к такому. В большом доме было так тихо, что слышалось тиканье овальных часов, висевших у входа на кухню. Скрип стула по паркету, когда Фредрик выдвинул его, чтобы сесть. Звон чайной ложки по дну чашки, когда он размешивал кусочек сахара, предложенный ему дрожащими руками женщины.

Он услышал, как кто-то шикает на стоявшего в коридоре ребенка. *Бабушка, кто там? Это Рубен? Рубен вернулся?*

– Прошу прощения за то, что пришлось вас побеспоко-

ить, — сказал юный следователь, когда оба родителя сели за стол. Я знаю, что к вам уже приходила полиция вчера, но мы должны подтвердить все детали. С этого момента я буду вашим контактом, и если вам что-нибудь понадобится, я всегда на связи, в любое время, хорошо?

Засунув руку в нагрудный карман пиджака, он вытащил визитку и аккуратно подвинул ее через стол.

— Есть какие-то новости?

У нее был тоненький, но в то же время хриплый голос, будто воздух из слабых легких попадал на наждачную бумагу в горле. Вибеке явно пыталась собрать волосы в узел, но они все равно свисали с одной стороны. Кремово-желтая блузка была застегнута неправильно и сидела криво на согнутых плечах.

— Пока что нет, увы...

— Но вы же... работаете?..

Небритый, с темно-кариими глазами, отец мальчика говорил очень тихо. Словно робот с севшими батарейками, не знавший, как и чем заканчивать предложения.

— Сейчас для нас важнее всего отследить все перемещения Рубена, — объяснил Фредрик, открывая блокнот. — Я знаю, что вы уже давали показания сотруднику полиции вчера, но мне необходимо прояснить также некоторые детали, чтобы быть уверенным, что все сходится.

Ян-Отто Лундгрэн медленно кивнул.

— В последний раз вы видели Рубена в субботу вечером

около десяти, верно?

– Знаю, мы сказали в десять. – Вибеке провела рукой по лбу. – Но, кажется, было ближе к половине одиннадцатого. Мне...

– Нет, было десять часов, – сказал муж, накрыв ее руку своей. – После «Встречи выпускников», помнишь?

– «Встречи выпускников»?

– Да, ну, знаете, по телевизору идет. *Большая встреча выпускников.*

Фредрик Риис редко смотрел телевизор, но конечно же знал, о чем идет речь. Субботние развлечения на NRK. Вся страна собиралась перед экранами. Двое знаменитостей встречались со своими бывшими одноклассниками из старшей школы, чтобы попытаться вспомнить их имена.

– Он разозлился на меня, – сказала Вибеке, снова погружившись в свои мысли, на этот раз со слабой улыбкой. – Хотел, чтобы я положила на пиццу фарш. Но Санна так не любит, ей нужно только с ветчиной. Потом я сходила за колой в подвал, хотя вообще-то мы больше ее не пьем. Вредно для зубов, слишком много сахара, да?

Муж снова погладил ее по руке.

– Мы поели, и Рубен пошел к себе в комнату играть в компьютер. До одиннадцати часов, таков был уговор.

– Вы к нему не заглядывали? – продолжил Риис. – Может, позже? Видели, что он спал?

На секунду в воздухе повисла тишина.

– Я даже не помню... – начала Вибеке Лундгрэн. – Наверное, заглядывала?... Я всегда так делаю...

– У Санны болел живот, – как бы извиняясь, кивнул муж. – Она никак не могла уснуть. Я читал ей книгу в кровати и, видимо, сам отключился. Когда я проснулся, было... половина первого?

– Вы были с Рубеном весь вечер? Смотрели телевизор? А потом он пошел к себе в комнату? У него не было никаких планов, о которых вы знали?

– Планов? – удивилась Вибеке. – Каких таких планов?

– Я просто спрашиваю. Он не собирался встретиться с друзьями? Или, может, с девушкой?

– Девушкой? – фыркнула худая женщина. – Ему всего одиннадцать. Он был дома с семьей. Потом пошел спать. Как обычно. Какие тут могут быть планы?

Она в недоумении подняла взгляд на мужа, и тот крепче сжал ее тонкое запястье.

– Окно было наполовину открыто, – сказал Ян-Отто и встретился взглядом с Фредриком. – Когда я пошел разбудить его к завтраку утром в воскресенье. Должно быть, он вылез через него.

– И вы не знаете, когда...

– В какой-то момент ночью. Видимо, так и случилось.

– А он уже делал так раньше? Убегал из дома?

– Нет, нет, нет.

Вибеке тихо забормотала и притянула руку к себе.

– Он никогда никуда не уходил. Рубен всегда дома. Это самый милый мальчик на свете. Он не вылезает из окон. Он всегда в своей кровати. С чистым постельным бельем. С Покемоном. Это его любимое. Я купила два одинаковых комплекта, чтобы он всегда на нем спал. Только что постирала второй.

У Фредрика зазвонил телефон. Достав его из кармана, полицейский быстро бросил взгляд на дисплей.

Анетте Голи.

Выключив звук, он положил мобильный на стол.

– А что насчет этого Томми Сивертсена? Они с Рубеном дружили? То есть они часто?..

Вибекке Лундгрэн встала из-за стола и вдруг в растерянности застыла посреди комнаты. Все ее тело дрожало, взгляд выражал замешательство.

– Рубен?

– Думаю, нам нужно... – осторожно кивнул Фредрику муж, обняв жену одной рукой.

– Конечно, – кашлянул Фредрик, убирая блокнот в карман.

Он вернулся на улицу, на гравий, и сделал все что мог, чтобы не слышать крик.

Отчаянный вопль донесся из дома.

Снова зазвонил телефон.

Откуда-то издалека.

– Фредрик слушает.

– Это Анетте. Где ты?

– У Лундгренов.

– Можешь прерваться? Ты нужен мне.

– Хорошо, что...

– Мы кое-что нашли у стрельбища. Колодец. Кажется, там побывали мальчики. Сможешь подъехать туда? Прямо сейчас?

– Конечно, – кивнул Риис и убрал телефон обратно в карман пиджака.

И побежал по гравиевой дорожке к машине.

6

Старик с белесыми волосами знал, что некоторые из тех, чьи портреты висели на стене, скорее всего будут *крайне недовольны*, что их не позвали на большой праздник, но сегодня особенный день, и прийти должны только люди из его ближайшего окружения. Он запланировал все заранее. Даже скатерть с кружевами расстелил. Подарок бабушки на Рождество. *Или мамин, на конфирмацию?* Старик уже не помнил, да и какая разница. Сегодня эти посторонние мысли не должны ему мешать. Ведь сегодня двойной праздник. Семьдесят лет, подумать только. И что самое главное, новая работа. Что они там говорили? Что он ушел из актерства? Как бы не так. Дед улыбнулся, сбросил полотенце на землю и вошел в холодную воду.

Он дебютировал еще в возрасте восемнадцати лет, в гимназии Оддевала в постановке евангельской истории о Рождестве. Конечно, он хотел играть Иосифа, но роль стражника оказалась вовсе не так плоха, как думали люди. И кто же главный герой? Просящий пристанище путник? Который даже ребенка жене сделать не смог? Или тот, кто решал, кому можно зайти и переночевать, а кому нет? Вот именно. Ответ напрашивается сам собой. Старичок с белесыми волосами снова улыбнулся, намылил щетку, обмакнул в воду и стал тереть себе спину. Ах, до чего же красиво озеро Лилла Хёпперёдшон при этом свете. Он жил тут шестьдесят четыре года из своих вот-вот семидесяти. Сначала с мамой и бабушкой. Потом только с мамой. Потом один.

Хотя...

Нет, он даже думать об этом не мог. Скоро начнется праздник. Лилла Хёпперёдшон – озеро с береговой линией в одну целую шесть десятых километра. В самом глубоком месте – девять метров, а не пять и одна десятая, как утверждали в автосервисе «У Рэя», когда он заходил к ним узнать, во сколько обойдется вернуть к жизни старую «Вольво», которая стояла в гараже. Пять целых одна десятая – это *средняя* глубина, то есть если взять все ее значения, сложить и поделить на количество. Как они разозлились тогда, проехав весь этот длинный путь по лесу и не обнаружив «Вольво» на месте. Как они ругались матом и какие гадости делали. Да что один из них себе позволил? Этот идиот покачал головой

и сплюнул в ноги старику. Очень жаль, что так вышло. Машина ему бы пригодилась. С ней намного проще добираться в некоторые места. А так ему приходилось тащить на себе велосипед через лес, а потом крутить педали до самого квартала Систем в Уддевалле, только ради него. Аквавита «Халландс Флэдер». О да. Здесь экономить не стоит. Тридцативосьмиградусный, со вкусом цветков бузины и корицы. Старик закончил тереться мочалкой и полностью окунулся в воду, чтобы смыть пену.

Ну и что такого в вашем Стокгольме?

Нет, не о городе он думал.

Аллан Эдваль⁴.

Вот о ком.

Эдваль, без сомнений, на первом месте. Старик мысленно составлял список тех, кто будет сидеть за столом, а кто останется висеть на стене.

Нет, не Стокгольм со своими соленой водой и блудницами, которым платили за танцы в маленьких комнатухах, где пахло смертью, после того как перепьешь крепкого алкоголя.

Уж лучше лес около Оддеваллы.

Тут хоть жить можно.

Вторая роль старика – наверное, ей он гордился больше всего, – арестант в тюрьме под номером 112-452311. Осужден за эксгибиционизм в парке «Васа» и укрывательство кра-

⁴ Шведский актер, композитор, кинорежиссер.

деных вещей. Эту пьесу долго не снимали с афиш. Четырнадцать месяцев. Вот какой популярности он достиг в этой роли.

Ингмар Бергман⁵? За столом?

Слегка покачав головой, старик усмехнулся, оделся и пошел по тропинке к дому.

Бергман не в его планах.

Ни за что.

Этот идиот даже на стене уже не висит.

Старик, дойдя до кухни, тут же забыл, на чем надо сосредоточиться, и опять спустился к воде. Озеро Лилла Хёпперёдшон, с береговой линией один и шесть десятых километра, с наибольшей глубиной девять метров, а не пять и одна десятая, как говорили в автосервисе.

Что это за тень там около мыса?

Что?

Это опять он?

Как его там звали?..

Водный монстр...

Надо снова позвонить тому журналисту из «Бухюслэнинген»?

Нет, ему сложно дозвониться.

Ладно. Сосредоточься.

Кто будет сидеть за столом?

На стене было тридцать шесть портретов. Все они – зна-

⁵ Известный шведский кинорежиссер.

менитости Швеции, которых он лично видел. Иногда лишь во сне, но какая разница?

Черт возьми, вот он поднялся к двери дома и опять забыл, о чем нужно подумать. Ничего не оставалось, как вновь спуститься к воде.

Как живописно оранжево-желтое апрельское солнце отражалось в прекрасной водной глади Лилла Хёпперёдшон. С береговой линией один и шесть десятых километра. Самая большая глубина девять метров, а не пять и одна десятая, как говорили в автосервисе.

Так, ладно.

Тридцать шесть на стене.

Только шесть мест за столом.

Шесть человек.

Каждый на своем стуле, ведь у него всего шесть стульев.

Ну ладно, ящик для дров за стул не считается, крохотная табуретка, на которую он сел, чтобы постричь ногти на ногах, наверное, тоже.

Я что, сказал «стулья»?

Что?

Нет, я сказал «мест».

Он погрозил кулаком.

Что ты там говоришь, Аллан?

Хочешь лишиться своего места за столом?

А?

Висеть на стене как посмешище, пока мы тут угощаемся

аквавитом?

О, да.

На хороших вещах не экономят.

Он тут же пожалел о сказанном и поспешил добавить:
«Шутка, я просто шучу. Конечно, ты будешь за столом».

Тебе достанется желтый стул.

На этот раз старик вошел в кухню и в глубокой задумчивости остановился перед портретами на стене.

Корнелис Вресвик.⁶

Да?

Хорошо.

Да.

Он аккуратно снял фотографию с кнопки и торжественно отнес ее к столу.

Красный стул.

Томас фон Брёмссен⁷.

Хм-м-м-м-м...

Ну ладно.

Может быть.

Где он снимался?

Точно.

*Альберт и Херберт*⁸.

Конечно же да.

⁶ Шведский исполнитель авторской песни, поэт и актер.

⁷ Шведский актер.

⁸ Шведский комедийный сериал.

Томас фон Брёмссен.

Синий стул.

Еще трое, еще трое...

Уже можно пить?

Аллан Эдвальд уже открыл бутылку аквавита и собирался немного налить себе, *черт меня побери, начинаем вечеринку*, но в последний момент старик запретил ему.

Еще рано пить, ясно?

Как это, по-твоему, будет выглядеть?

Старик с грустью покачал головой и поставил бутылку так высоко, как только мог достать – в шкаф над плитой.

Только он вернулся к портретам, чтобы продолжить выбор, комнату огласил звон.

Старик вздрогнул, сначала не поняв, откуда идет звук, но потом до него дошло.

Это же новый телефон.

Мобильный.

С работы.

Он быстрыми шагами подбежал к ящику комода.

Синий.

Такой маленький и симпатичный.

На экране высветилось сообщение:

Лист 1. Цена 1. ОК?

С улыбкой старик набрал ответ.

ОК!

Он подошел к полке под окном, достал черную папку на

кольцах, открыл первую страницу и сделал глубокий вдох. И сел за стол перед вторым своим телефоном.

7

Маленькое крыльцо с колоннами, две раздвижные двери из стекла и серого металла, затем открытое свежотремонтированное фойе. Она видела, что бородастый следователь со светло-рыжими волосами всю дорогу старался не выдавать свои эмоции, но у него это не совсем получалось. Его обычно спокойное умное лицо выражало и любопытство, и радость одновременно, словно он не мог поверить в то, что только что произошло, и в то же время не понимал, что теперь ему с этим делать.

Это не всегда тебе на пользу, Миа. Видеть то, чего не видят другие.

Так сказала бабушка в один из своих не лучших дней – она долго болела, но к врачу идти, конечно, отказывалась. Худенькая, с черными кругами под глазами, она, скорчившись, лежала на матрасе на полу. В кровать, само собой, не хотела, эта прекрасная упрямая женщина. Как же сильно Миа ее любила.

Это может вызвать в тебе страх. И принести одиночество. Другие не понимают того, что понимаешь ты. Жизнь, людей. И то, как все связано между собой. Не забывай меня, когда меня не станет, обещаешь, Миа? Если тебе станет

одинок.

Как это похоже на бабушку. Это ведь она была больной, а не Миа, и все равно хотела помочь. К счастью, через несколько недель она выздоровела, и на выходных ей должно было исполниться восемьдесят лет. Как Миа ждала этого. И волновалась. Ведь она знала, что будет с мамой, если не придет Сигрид.

Но Сигрид, конечно, не придет.

Где ты, Сигрид?

Миа украдкой бросила взгляд на телефон, когда добряк-следователь улыбнулся и вызвал лифт.

— Мы сидим на третьем этаже. Формально сюда наш отдел переехал прошлой осенью, но ремонт еще не закончен. Ох уж эти рабочие.

Он сразу же ей понравился.

Холгер Мунк.

Первого впечатления достаточно, чтобы понять это.

По крайней мере, у Мии всегда было так.

На такого человека можно положиться, он честный, надежный и придет на помощь, когда она тебе понадобится.

Миа не всегда могла увидеть все отчетливо, иногда ее оценка происходила на уровне ощущений, предчувствие хорошего, тепла, исходящего от человека, в противоположность однозначному неприятному чувству. И не помогут никаких уловки. Особое чутье всегда было присуще Мии, и она никогда не любила ложь. В детстве она думала, что все во-

круг такие же. Не внешне, само собой, тут она понимала, что не все выглядели как маленькие индейцы с ярко-голубыми глазами, но внутри. Впервые она почувствовала себя другой в подростковом возрасте.

Скоро ей двадцать два.

Через полгода.

В ноябре.

Сигрид и ей.

Прошлый день рождения она праздновала одна.

В этот раз они должны быть вместе.

Миа пообещала это себе.

Я найду тебя.

Несмотря ни на что.

Миа подавила зевок, когда двери лифта открылись и показалась табличка.

«Полицейский участок Осло».

Отдел по борьбе с уголовными преступлениями.

Марибуэсгате, 13.

– Ну, вот тут мы и обитаем, – улыбнулся Мунк, набрал код на панели на серой стене и придержал дверь перед Мией.

Самый обычный офисный опенспейс, даже скучный. На полу в проходах лежали остатки ковролина – теперь его меняли на паркет. Рабочие места со стеклянными перегородками – попытка создать современный открытый офис, как стало модно в больших компаниях: синергия, близость, но идея так себе. Очевидно, что здесь есть потребность в при-

ватных беседах, но это не вписывается в концепцию дизайнеров интерьера – кремового цвета прямоугольные вертикальные пластиковые полосы декорировали окна почти всех рабочих мест, кроме парочки тех, что стояли пустыми, *мesta для взрослых*, как назвал их Мунк еще в кофейне. Он посмотрел на Мию полным любопытства взглядом.

– Ну что же, сколько ты хочешь в месяц?

Задав этот вопрос, Мунк посмеялся сам над собой. Она тоже слегка улыбнулась, но, конечно, поняла, что он спрашивает всерьез.

Хочешь работать у нас?

Он выбрал другую тактику. Показал ей их офис. Познакомил с командой. Ну что, понравилось?

Начать работу посреди расследования дела об убийстве.

Когда постоянно обрывают телефоны.

Почти тридцать часов, как найдены тела убитых.

Два мальчика одиннадцати лет.

На земельном участке.

Первые сорок восемь часов важнее всего, так ведь?

Она где-то прочитала это.

Она же не дура. С каким напускным безразличием вел себя лектор, когда студенты собирались выполнить тест Калифорнийского университета. *Да нет, ничего особенного. Просто игра. Чтобы вы немножко потренировались работать на месте преступления. Не переживайте.*

Миа и не переживала, но те фотографии ее поразили.

Мальчики на них были как живые. Словно сейчас заговорят. Она огляделась вокруг: вдруг у кого-то в аудитории такие же ощущения, но, похоже, никто ничего подобного не испытывал. С рвением, как у маленькой девочки, которой купили первую книжку с картинками, Миа с головой ушла в работу и пришла в себя, только когда лектор, положив руку ей на плечо, дал стопку бежевых листков для заполнения.

– А тут сижу я.

Мунк продолжал проводить экскурсию по участку, все еще пребывая в приподнятом настроении, но вскоре оно сменится на серьезное.

Еще несколько стеклянных кабинетов, огороженных в большинстве длинными белыми панелями. За ними Мунк и Миа завернули за угол и пришли в действующий опенспейс. Два напряженно работающих сотрудника оторвали взгляды от больших мониторов – всего их было четыре, они образовывали квадрат на большом столе посреди комнаты.

– Это Аня и Людвиг, – кивнул Мунк.

Мужчина в возрасте, немного за пятьдесят, привстал и протянул Мии руку. На нем были овальные очки в стальной оправе, бордовый жилет и красный галстук. Мии вспомнился анекдот: *Алло, это семидесятые, мы хотим вернуть свою одежду*, но вообще-то повода для этого не было – мужчина показался ей очень приятным. С доброй улыбкой и теплым рукопожатием он посмотрел Мии прямо в глаза.

– Людвиг Грёнли.

– Здравствуйте. Миа Крюгер.

– А это Аня.

– Привет.

Молодая девушка в очках в роговой оправе не поднялась с места, только быстро бросила взгляд на Мию, после чего вздохнула и, вернувшись к своему монитору, стала молниеносно печатать на клавиатуре, словно играя на фортепьяно.

– Ты это серьезно, Мунк?

– Аня Беличек. Наш неугомонный компьютерный гений. Прямо из Гарварда.

– Нет. Опять мимо. Гарвард для глуповатых снобов – они поступают туда только потому, что у них богатые родители. Я закончила Массачусетский университет, – вздохнула девушка, почесав голову под короткими каштановыми кудряшками.

На Анье были клетчатая юбка и унылая белая блузка, словно из пятидесятых, а на запястье маленькая татуировка с красным сердечком.

– У нас пятьдесят тысяч страниц, – продолжила девушка, наконец повернувшись к ним.

– Все так, – подтвердил Грэнли.

Сняв очки, он протер их полой голубой рубашки, торчащей из-под жилета.

– Нам нужны люди.

– Мы попросили шведских коллег прислать все документы по делу, – кивнул Мунк.

– И теперь они не могут остановиться, – пробормотала Аня.

Она наморщила нос под мощными очками и изобразила нечто похожее на грустную улыбку, наконец заметив присутствие Мии.

– А ты кто?

– Это Миа Крюгер, – ответил Мунк.

– И?

– Я серьезно. Холгер, – сказал Грёнли, вернув очки на нос.

– Ясное дело. Я уже все уладил. Попросил Вилкинсона собрать для вас команду в Грёнланде, семь-восемь человек, пойдет?

– Все лучше, чем ничего, – вздохнула Аня.

– Не хочешь отправить меня туда? – продолжил Грёнли. – Чтобы проконтролировать их. А то будут искать не там, где надо. Тут страшное количество материала.

– Вилкинсон разберется, ты нужен мне здесь.

Мунк проводил Мию из комнаты, но в дверях остановился.

– Забыл еще кое-что. Напишу ему список задач в порядке приоритета.

– Ладно.

Грёнли достал блокнот и ручку.

– Следы. Подозреваемые. Допрос свидетелей. Семьи. В этой последовательности. Все красные флаги посылай мне напрямую. Жду отчет в письменном виде каждый день до

полуночи.

– Ты что, шутишь?

Аня повернулась к ним, но Миа увидела по ее лицу, что шутка была дружеской.

– Бутылка «Дворека⁹», если что-нибудь накопаеть, – подмигнул ей Мунк.

– Ящик, и договорились, – парировала девушка, снова погрузившись в экран.

– Она из Польши, – пояснил Мунк, когда они с Мией вышли в коридор.

Он провел ее в новый большой кабинет, и Миа наконец увидела серьезность во взгляде следователя. Где-то в его голове тикали часы. Улыбка была показной, он нацепил ее ради Мии.

Тридцать часов.

Она уже видела обложки газет.

И прочитала достаточно книг, чтобы понять, о чем идет речь.

Это уже не игрушки.

Она сделала это после теста. Пошла в публичную библиотеку прямо около академии и проводила там все вечера несколько недель подряд. Читала про места преступления, серийных убийц, криминологию, судебную медицину, работу криминалистов в попытке понять, а надо ли ей все это. И там, среди пыльных полок, ей открылся увлекательный мир,

⁹ Польский безалкогольный напиток.

словно она...

Нет, нет.

Отряд быстрого реагирования.

«Дельта».

К этому она готовилась.

Туда она хотела.

Первая женщина.

Она покажет этим козлам.

Веселое и мягкое выражение исчезло с лица толстяка-следователя, он включил свет, и в эту секунду Мунк и Миа оказались в окружении материалов дела, над которым работали. Газетные статьи и фотографии, которые он ей показывал, были прикреплены на одну стену, и там же висела еще куча разных материалов. Миа как зачарованная обводила их взглядом.

– Вот комната для брифингов, тут мы все обсуждаем, – объяснил Мунк с отсутствующим взглядом на серьезном лице.

Вдруг Мие стало нехорошо. Да, она видела несколько фото, но теперь ей открылась вся полнота реальности. Больше всего захотелось извиниться, спуститься на лифте вниз и выйти на улицу, оставив этих людей заниматься работой, но комната была такой притягательной, что Миа не сдвинулась с места.

– Должен напомнить тебе, что то, что ты видишь, конфиденциально.

– Конечно.

– Наверняка я уже миллион правил нарушил, просто при-
ведя тебя сюда.

– Понимаю.

– Но то, что ты сказала мне...

Он посмотрел на Мию. С его круглого лица полностью исчезло шуточное выражение. Теперь все как никогда серьезно. Глазами, полными боли, он смотрел на Мию, и она словно читала его мысли.

Две семьи потеряли детей.

Они никогда больше не увидят своих мальчиков.

И я обязан найти его.

Чтобы восстановить справедливость.

За нами наблюдает весь мир.

Понимаешь?

– Я понимаю, – тихо произнесла Миа.

– Что?

– Сорри, я просто...

Она не договорила, когда дверь в комнату открылась и туда быстрыми шагами вошла женщина чуть за тридцать. Строгий взгляд, блондинка, волосы средней длины, одета так, что Миа скорее бы отправила ее работать в банк, а не в полицию.

– Где ты был? Я сто раз тебе звонила. Кажется, у нас есть совпадение по фургону...

Мунк прервал ее.

– Анетте, познакомься с Мией Крюгер.

Опешив, блондинка остановилась и странно посмотрела на нее.

– Миа, это Анетте Голи. Моя правая рука.

– Добрый день, – осторожно произнесла Миа.

– Что тут происходит? – удивилась женщина, с легким раздражением разведя руками. – Мы зафиксировали проезд одного и того же фургона в двух местах, первый около торгового центра в Лёренскуге, второй прямо около порта Лиллестрёма, нам нужно...

– Дай нам две секунды, – снова перебил ее Мунк, повернувшись к Мии. – Сможешь взглянуть еще раз, для Анетте? И повторить то, что ты сказала мне?

Его взгляд снова стал добродушным.

– Сейчас? – спросила Миа.

– Да.

Мунк слегка улыбнулся, показав на висевшие на стене снимки.

8

Фредрик Риис показал удостоверение, его пропустили за ограждение, и он припарковался у вывески с надписью «Стрельбище Лёренскуга. Основано в 1891 году», которую украшал овальный логотип с двумя коричневыми винтовками старой модели, напомнившие ему об отце, питавшем сла-

бость к старому оружию и имевшем целую коллекцию в подвале в Бэруме. Конечно, мальчика туда не пускали. Отец никогда не звал его чем-нибудь заняться вместе. Не то чтобы Фредрик мечтал стрелять по птицам из старых «Винчестеров», но все-таки. В раздражении он отмахнулся от воспоминаний и вышел из машины.

Он увидел знакомое лицо идущего к нему полицейского, от встречи с которым, честно говоря, Фредрик предпочел бы отказаться. Эрик Брюн. Его одноклассник из Высшей школы полиции. Хотя одноклассником его назвать язык не поворачивается, скорее идиот из его группы.

Бесцеремонный полицейский вразвалку переходил дорогу. Увидев Фредрика, он резко приобрел унылый вид.

– Ага, а вот и наш сноб подъехал.

Потерев подбородок, Брюн намеренно не протянул руку товарищу.

– Привет, – кивнул Фредрик, сделав вид, что ничего не заметил.

С такими людьми лучше вести себя так. Один из семестров они вместе патрулировали улицы, поэтому Брюн сейчас так почернел. От зависти, естественно. Вакансия в отделе по борьбе с уголовными преступлениями. Работа мечты. Фредрик знал, что Брюн тоже отправлял резюме, но работу получил Риис.

Вижу, ты все патрулируешь?

Но он не стал произносить это вслух. Надо быть вежли-

вым и здравомыслящим. Единственная истина, которой его научили дома.

Сноб.

Осло – небольшой город. Фредрик Риис отлично знал, когда и за что его наградили этим прозвищем, ставшим общепринятой шуткой в полиции. Получив место в отделе, Фредрик был весь на нервах и в свой первый рабочий день позвонил дежурному, чтобы спросить про дресскод. Дежурный решил подшутить над неопытным новичком. *Костюм и галстук. В отделе по борьбе с уголовными преступлениями с этим строго.* Фредрик, конечно, должен был учуять подвох, но он был молод, наивен и страшно волновался. Он явился на работу в своем лучшем костюме и идеально выглаженной рубашке и потратил на подготовку несколько часов, пришлось даже за новым утюгом сходить. Начищенные до блеска итальянские ботинки. Маленький платочек в нагрудном кармане пиджака. Даже булавка на галстук из настоящего золота, доставшаяся в наследство от деда. С гордо поднятой головой – ведь сегодня его первое совещание на работе – Фредрик вышел из лифта на четвертом этаже, где его встретила группа новых коллег, едва сдерживая смех. Он чувствовал себя клоуном. Ему было крайне неприятно и очень гадко на душе. В помещении тогда воцарилась мертвая тишина, слышен был лишь скрип подошв ботинок Фредрика по линолеуму, словно новичка ментально высекли розгами, пока он шел к столу, где было написано его имя, и только тут все

разразились хохотом.

Ну ладно.

Все улеглось.

Коллеги оказались приятными.

А теперь Брюн, в порыве злости, решил воскресить в воспоминаниях Фредрика это прозвище.

А действительно, почему бы и не сноб?

С того дня каждое утро он с прямой спиной приходил на работу красиво одетый. Для Фредрика это было единственным способом заткнуть их. Он и сейчас так же одевался. Конечно, чуть посвободнее, без галстука, но неизменно в костюме.

– Что у нас тут?

– Там колодец, – указал Эрик Брюн. – Работают криминалисты, нам сказали пока не подходить. И где равноправие? Криминалисты, мол, разбираются, а нам надо отойти, чтобы не *загрязнять*? Да за кого они нас держат?

Брюн засунул большие пальцы под ремень и сплюнул в гравий.

Видимо, за команду дебилов.

– Рад тебя видеть, Эрик.

Фредрик похлопал мощного полицейского по плечу и продолжил путь к стрельбищу по направлению к трем криминалистам в белых защитных костюмах.

Наконец наступила весна. Деревья вдоль гравиевой дороги окрасились в разные оттенки зеленого. С крыши огневой

позиции вспорхнули две чайки и с криками исчезли в небе над участками. Фредрик Риис терпеть не мог зиму. В этом они с Мунком были похожи. Наверное, потому, что выросли в центре города. Здесь на окраине зима, конечно, совсем другая, все в белом снегу, можно кататься на санках с горок, даже сделать маленький трамплин. В центре Осло же только темная слякоть и мокрые улицы с дрожащими от холода людьми. Фредрик где-то слышал, что в некоторых школах перестали говорить детям, что снег белый. Ведь все видят, что он серый. Если он вообще выпал. Друзья каждый год звали Фредрика на юг. В Альпы, Санкт-Мориц, Зеефельд. Заниматься слаломом. Или кататься на сноуборде. Но ему это было не по душе. Зимой он предпочитал оставаться дома, у камина. С марками и своим попугаем, в ожидании, пока небо снова посветлеет. Тогда и дышать легче. В кармане пиджака запищал телефон, и Фредрик остановился на полпути, чтобы проверить сообщения.

Черт.

Увидимся вечером?

Фредрик задумался на мгновение, хотя уже знал, что ответит.

Нет.

Подождал несколько секунд, пока придет предсказуемый ответ.

Почему?

Угрюмо покачав головой, он вернул телефон в карман.

– Это вы из отдела?

К нему подошла женщина чуть за тридцать.

– Да, Риис.

– Добрый день, я Янне.

Сняв синюю перчатку, она пожала ему руку.

– Что у нас тут?

– Старый колодец. Один из наших поисковиков нашел его несколько часов назад, и я боюсь, что они тут все затоптали, но мы сделали все возможное, чтобы спасти хоть какие-нибудь остатки следов.

Сняв капюшон, она кивнула в сторону полицейских, с одним из которых он только что виделся.

– Я думала, их нормально учат в академии.

Криминалист знаком показала Фредрику следовать за ней в лес.

– Но сейчас вы закончили? Я могу войти?

Она кивнула.

– Мы сняли отпечатки с замка и со всего остального, где нашли их.

Перед старой красной будкой с колодцем внутри лежал маленький золотого цвета навесной замочек.

– Он был заперт?

– Нет, замок висел на проушине.

– О'кей, – сказал Риис, надевая перчатки.

– Вам он понадобится. – Криминалист протянула ему большой фонарь. – Там крошечная тьма. Странно, такой ста-

рый колодец, я думала, что доски пропускают свет, но кто-то изолировал будку изнутри черным кровельным толем. Похоже, ее использовали для...

Криминалист достала из кармана пачку сигарет.

– Для чего?

– Не знаю. Для чего-то. У меня редко бывают мурашки по телу от места преступления. А, кстати...

Она подошла к большому чемодану и достала прозрачный пакетик для улики.

– Трусы?

– Мы не знаем, принадлежали ли они кому-то из мальчиков, но шансы велики, правда?

Она покачала головой и кивнула коллеге – тот подошел с зажигалкой и дал Янне прикурить.

– Ну, я пошел.

– Пожалуйста.

Фредрик Риис включил фонарь, пригнулся и аккуратно пролез через маленькую дверку.

Твою мать.

9

Щелк. И мир вокруг исчезает. Остаются только эти фотографии. Не торопись. Здесь больше никого нет. Только ты и они. Разложи их как нужно: по вертикали и горизонтали так, чтобы образовали на столе квадрат. Не надо брать все сразу

– выбери те, что составят наиболее полное впечатление. Не меняй снимки. Сеанс должен пройти непрерывно, без остановок. Отобрала нужные? Составила свое мнение? Учла все необходимые детали? Скажи предложение, звук или просто почувствуй вкус во рту, чтобы избавиться от последних отголосков окружающей реальности. Тот, кто медитирует, поймет тебя. Пусть это кому-то и покажется абсурдным. Главное, чтобы твои тело и голова знали, что важно. Готова? Начинаем.

Вспомни бабушку.

Миа ушла в себя и полностью сосредоточилась на фотографиях, которые определенным образом разложила на столе. На этот раз вышло лучше. Она только что уже побывала в них, оставив страх того, что может обнаружить. Нужно как следует погрузиться. Еще глубже, чем в прошлый раз. Ведь тогда она увидела не все, правда? Дело не в том, что не хватало каких-то снимков. Нет, дело в другом. Есть некая прореха в том, что она увидела на тех фотографиях. Что-то не так. Что-то она упустила. Оно лежало на поверхности, но увидеть не получалось. На мгновение Миа закрыла глаза, пытаясь не злиться на блондинку, которая выключила звук на телефоне по ее просьбе, а вибрацию отключить забыла. Мобильный гудит в кармане пиджака, женского пиджака. Сшитого вручную, уж точно не купленного в каком-нибудь дешевом сетевом магазине. Небесно-голубого цвета нежного приятного тона. Никаких импульсивных решений. *Я спокойна. Я*

все обдумываю. Опять эта вибрация. Шерсть с вискозой. Три пуговицы. Карманы с обеих сторон на бедрах.

– Сорри, вы не могли бы...

Миа повернулась к женщине по имени Анетте и кивнула на ее вибрирующий телефон.

– Конечно, извини.

На узких губах застыла улыбка, и Анетте бросила быстрый взгляд на Мунка, слегка покачав головой.

Что за хрень, Холгер?

Ты в курсе, что скоро настанет конец света?

Ладно, Миа.

Спокойно.

Вспомни бабушку.

На земле двое мальчиков. У одного из них, полностью голого, короткие светлые волосы, он лежит на спине, положив руку на грудь. Вторая покоится на земле и слегка отстранена от тела. Его лицо кажется умиротворенным. На маленьком носике веснушки. На первый взгляд он напоминает ангелочка. Таких раньше рисовали на глянцевых открытках. Ангелочки, опирающиеся на облака. На мальчике нет одежды. У него маленький пенис, над которым едва начали расти волосы. Светлые, как и на голове. На мошонке волос нет. Сейчас ты знаешь его возраст, но, если бы спросили, сказала бы десять. А ему одиннадцать. Высокий, худой, хрупкий. Ему, с его уязвимым телом ребенка, можно было бы дать даже меньше, девять. Его ноги слишком длинные по отноше-

нию к телу. Представь, как он бежит. Быстро. Он как ветер, улыбается и тяжело дышит, обгоняя других. Вычеркни это. Ты не знаешь, сможет ли он обогнать других. Но он точно бежит быстро. Вокруг шеи синяя полоска. Его задушили. Сзади. Чем-то тоненьким. Не стальной нитью, она бы оставила другие отпечатки на коже. Может, рыболовной леской? Ты чувствуешь, как ему трудно дышать. Грудь поднимается, пока он ищет воздух. Почему он не поднимает руки, чтобы защититься? Ни на одном из пальцев ни царапины. На руках тоже. Нигде на теле ничего нет. Нет, несколько синяков все же есть. Один на локте, другой на левой коленке. Снимок пальцев. Неплохо было бы посмотреть и поближе, под микроскопом, но и этого достаточно. Потому что первое, на что здесь обращаешь внимание, – убийца долго возился с ним. У мальчиков никогда не бывает таких чистых ногтей. Он постриг их, почистил, аккуратно сложил пальцы красивым веером, как на какой-то картине, портрете с руками в стиле Рембрандта. Или Караваджо. Ты знаешь, что мальчика зовут Рубен. Его рука, сложенная на груди, в белом гипсе. Пальцы едва торчат из отверстия в нем, но и они тщательно обработаны. Рубен сидит в классе. Он повредил руку. Перелом? Как это случилось, Рубен? Упал с велосипеда? Ударил кулаком в стену? Нет, это на тебя непохоже. Твои плечи немного ссутулены. Наверное, ты стесняешься своего роста. А может, и нет. Но что-то тут есть. Тебя унижали? Долгое время? Взрослые? Ты часто испытывал страх? Только у таких

детей так ссутулены плечи, это своего рода защита от мира вокруг. Другие дети любят тебя. Они пишут на твоём гипсе разноцветными фломастерами. Тебе нравится одна девочка, ну или как минимум ты нравишься ей. Сильвия. Её имя обведено красным сердечком на гипсе. Что же случилось с твоей рукой, Рубен? Это как-то связано с сутулыми плечиками? Одно ясно – ты главный герой на сцене. Протагонист. Второй мальчик, в одних трусах, – второстепенный персонаж. Он не так красив, как ты. Не так ухожен. Даже не полностью раздет. На нём старые темно-синие трусы с растянутой резинкой, которые еле держатся на теле – их явно стирали бесчисленное количество раз. Его просто бросили рядом с тобой, Рубен. Даже не повернули лицом к небу. Отсылка к тем мальчикам из Швеции. Те же позы. Один голый, другой – нет. Мальчиков убили не здесь. Их зачем-то сюда поместили. Выбор места неслучаен. Все тщательно спланировано. Все, до мельчайших деталей. По центру между телами – животное. Маленький лисенок. Вид у него умиротворенный. Словно спит. Глаза закрыты, лапы вытянуты вперед. Мордочка смотрит на красивого мальчика. Почему те, кто сделали эти снимки, не поняли, как это важно? Видеть всю сцену? Что именно это самое главное?

Вдруг Мии Крюгер стало плохо, её затошнило, и ей пришлось оторваться от фотографий, откинуться на спинку стула, одной рукой прикрыв лицо. Её дыхание сбилось.

– Все нормально?

Мунк обеспокоенно посмотрел на нее откуда-то из другой реальности. Часы около белого экрана на стене показывали, что прошло всего три минуты. А Мии показалось, что миновала целая вечность.

– Да-да, я в норме, – пробормотала Миа и размеренно задышала носом, пытаясь успокоить стук сердца.

Зачем она согласилась на это?

Цирк какой-то.

Фрикшоу.

Сидеть под наблюдением двух незнакомцев?

Да ну нахрен.

Хватит с нее.

Домой.

К своей обычной жизни.

Спать.

Ходить по темным улицам.

Искать Сигрид.

– И?.. – пробормотала блондинка.

Женщина по фамилии Голи сидела на столе, сложив руки на груди поверх голубого пиджака – поза явно говорила о том, что Анетте считала это пустой тратой времени.

– Вкратце, – сказал Мунк, подойдя к копиям фотографий на стене. – Миа считает, что где-то здесь...

Он показал на один из снимков.

– Должен был стоять стул. Или стремянка. Да, Миа?

Миа кивнула.

– И почему это важно? – вздохнула Голи.

– Мальчиков убили не здесь. Их сюда переместили, верно, Миа?

– Да.

– Убийца действовал очень тщательно, – продолжил Мунк уже более активно. – Обработал пальцы, разположил тела по своему плану. Убил мальчиков, не оставив на телах ни царапин, ни синяков, ни крови. Они чисты настолько, насколько это было возможно, кроме линий вокруг шей. И еще...

Бросив взгляд на Мию, Мунк хотел передать слово ей, отдавая должное ее открытию, но она отмахнулась, почувствовав, что опасность со стороны Голи миновала.

– Преступник создал картину, – с триумфом произнес Мунк. – Как художник. Из двух мертвых мальчиков на земле. И чтобы впечатляться своим творением, ему необходимо было подняться на возвышение.

– Так?.. – вопросительно протянула Голи, отбросив первоначальный скепсис.

Она с любопытством взглянула на Мию, затем снова на снимки.

– А животные? Лиса? А заяц из Швеции?

– Не знаю, – кратко ответила Миа.

– Вы говорите *он*, – сказала Голи. – Есть уверенность, что это мужчина?

Мунк бросил взгляд на Мию.

– Да, – быстро ответила она и встала. – Мне пора бежать,

спасибо и удачи в расследовании.

Она пулей вылетела из комнаты и уже успела пройти полкоридора, когда Мунк догнал ее. Да, физическая форма у него так себе. От одышки его круглый живот колыхался, пока Холгер смотрел на Мию тем же любопытным взглядом, какой у него был в лифте.

– Ты уверена, что не хочешь?..

– Нет, спасибо, – решительно ответила Миа, толкнув дверь.

Он пошел за ней дальше.

– Вот. – Он всучил ей визитку. – Звони. В любое время. Если вдруг передумаешь. Или если еще что-то придет в голову. Хорошо?

– Хорошо, – ответила Миа и засунула визитку в задний карман джинс. В этот момент подоспел лифт, и двери медленно открылись.

Весенний воздух на улице показался ей свежее, чем обычно.

Миа неподвижно стояла, пока биение сердца не успокоилось.

И пошла как можно медленнее к Хаусманнсгате.

Чтобы сесть на автобус до дома на Торшов.

Она поставила будильник на половину десятого, но около

девяяти проснулась сама. У соседей за стеной долбила музыка, и Миа вспомнила, что сегодня понедельник. Второкурсники начинали учебу во вторник вечером, поэтому по понедельникам обычно пили пиво, устраивая вечеринки на Вогтсгате. Размалеванные студентки полицейской академии, человек десять – пятнадцать, кучковались в маленькой общей гостиной. Миа подумала, не пойти ли сказать им, чтобы были потише, но отбросила эту мысль. Они и так на нее косо смотрят. Если хотят напиться до потери пульса, пусть. Только зачем это делать там, где живет она? В общежитии, в котором и так тесно. В их блоке разместились три девушки, и этого было много. Ванная вечно занята. Туалет тоже. Невозможно спокойно приготовить себе еду. Миа жила на Торшов уже почти полтора года и, когда погода позволяла, она проводила на улице столько же времени, сколько и дома. Сидела в парке с книгой или ездила на велосипеде купаться в Маридален. Лучше так, чем в тесной общаге слушать этот гам. Пустую болтовню и разговоры ни о чем. У Мии Крюгер аллергия на такое. Уж лучше быть одной. Побродить по ночным улицам. И сразу одним ударом двух зайцев. И возможность погрузиться в свои мысли, и поиски Сигрид.

Мии очень хотелось в душ, но сегодня он ей, конечно, не светит. Поэтому она натянула темные узкие джинсы, достала черную футболку и тонкий теплый черный свитер. Вытащила большую сумку из потайного места в шкафу и переложила из нее в рюкзак все, что понадобится. Перчатки, фонарь,

флайеры. Сколько взять? Пятьдесят? Оставалось мало.

Вы не видели эту девушку?

Сигрид Крюгер.

Пожалуйста, позвоните, если что-нибудь узнаете!

Придется опять зайти в офис академии, выпросить еще копий. Миа пристегнула кобуру к руке, чтобы рукоятка ножа оказалась четко в левой подмышке. Черный ЕКА Nordic со сквозным монтажом стального лезвия от головки рукоятки до острия клинка, а сама рукоятка прорезиненная – из-за этого нож легкий и хват надежный. Безусловно, ходить по Осло с ножом – незаконно, и если поймают, могут отчислить из академии. Но перемещаться по ночному городу без защиты Миа не собиралась. Люди такие наивные. На трамвае на работу и с работы. Ужин с семьей и друзьями в светлое время суток. Вечером посредственные развлечения по телевизору – да нормально, пойдет. Простодушные и довольные жизнью люди ложатся спать в благополучном Осло. В безопасном. В городе, где все гуляют в анораках с улыбками на лицах. *Здравствуйте, здравствуйте. Как мы рады вас видеть.*

Пока не наступает темнота.

И не просыпаются тараканы.

Засунув нож в кобуру, Миа завязала шнурки на своих «Доктор Мартинс», натянула черное худи и надела шапку. Выходя из комнаты, она бросила прощальный взгляд в зеркало у шкафа.

Ей это очень нравилось.

Она умышленно так одевалась. Как будто маскировалась ото всех, с кем могла встретиться на улице.

Склонив голову, она прошла мимо шумной компании в гостиной и вскоре уже сидела в трамвае, едущем в сторону центра.

Осло С.

Площадь.

Миа всегда начинала поиски оттуда.

Там обычно собирались наркоманы.

Наркотики?

Миа ушам своим не поверила, когда сестра сболтнула об этом. Не то чтобы та собиралась рассказывать, но Миа загнала ее в угол. Что за херня творится, Сигрид? Мы почти перестали видеться. Разве мы не собирались все делать вместе? Учиться, жить студенческой жизнью? В Осло. Я звонила в твою школу – да, я звонила! Они сказали, что ты давно ушла оттуда. Что почти и не ходила. Ты же хотела стать медсестрой. Что, черт побери, с тобой такое?

Я не колюсь.

Мы просто курим.

Сигрид выглядела изможденной, высохшей, с потухшим взглядом. Ее когда-то красивые длинные светлые волосы безжизненно свисали с плеч.

Колюсь?

Курим?

О чем ты вообще говоришь?

Сигрид.

Самая добрая, самая умная и правильная девчонка во всем Осгорстранне.

Она играла в гандбол, ездила верхом, хорошо училась в школе и работала волонтером в доме престарелых.

Нет.

Это какая-то шутка.

Сейчас сюда зайдут с фотоаппаратом, смоят растекшийся макияж с лица сестры, с потолка посыпятся конфетти, раздадутся аплодисменты и смех, и все это окажется простым розыгрышем.

Я хочу бросить.

Черт, Сигрид...

Конечно я брошу, но не прямо сейчас. Я должна кое-кому денег. Не очень много, всего пару тысяч. Одолжишь мне? Всего на пару дней? Пли-и-из.

Они вместе пошли в банкомат.

Миа сняла почти все, что у нее было.

Десять тысяч.

С тех пор прошло три месяца.

С тех пор она не видела сестру.

Где ты, Сигрид?

Миа Крюгер достала несколько флайеров из рюкзака и подошла к группе людей на площади Кристиана Фредерика, что между железнодорожной станцией и Биржей Осло. Свое название площадь получила в честь датского короля, кото-

рый когда-то правил Норвегией, любивший попивать чай в ухоженном саду королевского замка. Площадь избрали местом встреч городские торчки, и от атмосферы королевской жизни тут мало что осталось. Район наводнили отбросы общества. Лузеры. Туристы жалуются, ведь именно сюда прибывает аэроэкспресс, и они, выходя из него, чтобы посетить прекрасный город Осло, вынуждены видеть первым вот это зрелище – тощие грязные пальцы трясущихся рук, дырявые спортивные штаны и старые потертые куртки. Когда Миа впервые учуяла этот странный резкий запах, ее чуть не стошнило. Кто-то прикурил прямо около нее. Молодые девушка с парнем. Не больше пятнадцати-шестнадцати лет. Господи. Мие стало так плохо, словно все хорошее, что было в этом мире, перестало существовать. Все доброе и прекрасное улетучилось в одно мгновение, как только она увидела этих детей на улице. Они в шаге от смерти. Это настоящее самоуничтожение. И вдруг на их лицах появились улыбки – их торкнуло и на короткое время заставило забыть все ужасы этого мира.

– Привет, Полли, как дела?

Миа уже много раз тут бывала. Сначала ее обходили стороной. Срабатывал инстинкт наркоманов. Они читали по ее глазам – она пришла не за дозой. Она – чужая. Но постепенно к ней привыкли и подпустили ее к себе. *Да это та чуви-ха, которая ищет сестру. Слушайте, кто-нибудь видел ее сестру? Как ее там звали? Никто ничего не слышал? У те-*

бя не найдется пару десятков крон, а? На автобус или на кофе? Всего пару монет? Сигрид, вы знаете Сигрид? Новенькая из Хортена.

Изможденная девушка перед Мией медленно кивнула, она с трудом держала глаза открытыми, но на ногах еще как-то стояла. Эти торчки просто мастера спорта по выносливости. Без еды. Без сна. Без какой-либо подпитки организма. Но они держатся день за днем, как самоходные моторчики, не заряжаясь ничем, кроме укола время от времени.

Увидев Мию, девушка чуть шире раскрыла глаза.

– О, привет, это ты! Что здесь делаешь?

Наркоманка по имени Полли украдкой огляделась, плотнее укутываясь в вязаный кардиган. Еле слышный заторможенный голос донесся изо рта с потрескавшимися губами.

– Мы же с тобой договорились, – осторожно произнесла Миа. – Что я приду, принесу тебе подарочек. Помнишь?

В голове под грязной шапкой, видимо, медленно зашевелились извилины.

– А, точно. Черт.

Девушка вдруг расплылась в улыбке.

– Ты его принесла, да?

– Да, – сказала Миа, кивнув на рюкзак. – Ты обещала мне помочь, помнишь? Говорила, что, возможно, знаешь, где Сигрид.

Полли нахмурилась, снова оглядываясь вокруг.

– Пойдем. Не здесь, – кивнула она и поковыляла перед

Мией к углу Эстбанехаллен.

Снова огляделась.

Паранойя.

Да, тут уж точно не самое безопасное место на свете.

– Можно мне посмотреть на подарок? – с любопытством улыbnулась Полли, почесав лицо.

– Конечно, – сказала Миа, снимая рюкзак. – Но ты ведь поможешь мне, правда?

– Конечно-конечно, – нервно закивала девушка. – Какого она цвета?

– Ты вроде бы хотела розовую? – Миа достала маленькую куклу из рюкзака.

Полли из Бергена. Она была первой, кто подошла к Мии, держащей флаеры в руках.

Я знаю ее.

Сигрид.

Я ее видела.

С того дня прошло три недели, Миа приходила сюда каждый вечер, но безуспешно. Наркоманка с всклокоченными волосами как сквозь землю провалилась. И вот она наконец появилась.

Я помогу тебе.

Верь мне.

Но я хочу себе одну вещь.

Подарочек.

Сможешь купить?

Счет Мии был снова почти пуст. Она вела себя наивно и глупо, раздавая им деньги, чтобы получить наводку. *Да, я ее знаю. Дай мне триста крон, и я позвоню кое-кому.* Эти наркоманы уж точно не добрые самаритяне, им надо выживать, и им все равно, кого обманывать. Поняв это, Миа завязала с жертвованиями, повзрослела. Но у Полли был какой-то особенный взгляд, и Миа не смогла ей отказать.

Кукла Cabbage Patch.

У меня была такая в детстве.

Она за мной присматривала.

Как думаешь, сможешь мне такую принести?

Миа Крюгер плакала редко, почти никогда, но тем утром по пути домой не смогла сдержать слез. Как же она устала. Как мало спала. Сигрид нигде не было. Весь этот ужас. А эта бедная девочка хотела себе куклу.

Господи.

Ну конечно.

Конечно, я куплю тебе куклу.

Только проснувшись, Миа сразу пошла в магазин игрушек, даже не поела, и потратила последние деньги. Теперь ей не хватит на оплату общежития, ну и черт с ним, подождут.

Полли взяла в руки куклу, прижала к щеке, и словно кто-то зажег яркий свет в ее усталых глазах. Две секунды, и потухший взгляд вернулся. Девушка быстро задрала кардиган и засунула куклу под него.

– Большое спасибо.

– Пожалуйста. Ты сказала, что что-то знаешь.

Осторожно кивнув, девушка снова нервно огляделась.

– Если что, я тебе ничего не говорила.

– Само собой.

Полли заговорила почти шепотом, так что Миа ее еле слышала.

– Говорят, что она одна из новеньких. Кто путешествует.

– Путешествует? Что это значит?

Полли вдруг вздрогнула: на площади начались какие-то беспорядки, оттуда доносились громкие споры и стук подошв по асфальту, там что-то мигало.

Стало явно небезопасно.

Наркоманы на площади посмотрели на Полли с Мией.

Эй, Полли, ты что там делаешь?

– Маркус Скуг, – пробормотала девушка и, склонив голову, еще плотнее завернулась в кардиган, после чего побежала в темноту и исчезла.

Что?

Миа почувствовала, как закипает от ярости. Пришлось отвернуться от вопросительных взглядов, чтобы наркоманы поняли, что она их не тронет.

Маркус Скуг.

Маркус *мать его* Скуг.

У Мии выступила пена вокруг рта, когда она ушла с площади и, тяжело дыша, остановилась у входа в торговый центр «Бюпортен», пытаясь успокоиться.

Спокойно, Миа.

Не злись.

Пусть тебе и хочется его убить.

Пусть он и заслуживает сгореть в аду.

Сигрид этим не поможешь, верно?

Сняв капюшон, Миа сделала глубокий вдох.

Вдруг на нее навалилась такая усталость.

Она почувствовала упадок сил.

Хотя только недавно проснулась.

Мимо нее проехала машина с открытыми окнами, в которой молодежь, размахивающая бутылками, подвывала музыке из динамиков. Деревенские приехали в Осло потусить вечером. Услышав, что играет у них в машине, Миа вдруг словила флешбек.

Weezer.

Музыкальная гик-группа из Калифорнии. Сигрид тогда так настаивала, чтобы Миа послушала их.

Тогда она впервые задумалась: *тут что-то не так.*

Милая Сигрид.

Которая слушает Селин Дион и Уитни Хьюстон.

У которой на стене постеры Backstreet Boys и NSYNC.

– Послушай, Миа, классная музыка, да?

Это было летним вечером в саду в Осгорстранне. Тогда они еще были вместе. Мама с папой уехали, и весь дом был предоставлен девочкам. Вечеринка сестер. Шампанское, клубника и розовый рыбный суп, который любила готовить

Сигрид. На вкус – не лучший в мире, но он всегда был на столе.

Машина с вопящими людьми исчезла на Фред Ульсенсга-те, а музыка так и осталась звучать в ушах Мии.

Weezer.

В саду под светом фонарей.

Тогда Сигрид впервые рассказала о нем.

О Маркусе Скуге.

Что она влюбилась.

В музыканта из Хортена.

И Миа должна пообещать ничего не рассказывать маме с папой, потому что он им не понравится.

Потому что он другой.

Потому что у него трудная жизнь.

Но скоро все наладится.

Потому что Сигрид обещала помочь ему.

Он столько всего знает.

Он такой глубокий человек.

Вот, например, эта музыка.

Разве не крутая?

Смотри, это их логотип...

Сигрид в белом платье босиком танцевала на теплой тра-ве, улыбаясь так, как Миа никогда раньше не видела, слов-но мыслями она была не здесь, такая счастливая, скрестив пальцы в форме буквы «W».

Weezer.

Чертов Маркус Скуг.

Сукин сын.

Торчок сраный.

Все это из-за него.

Накинув капюшон на голову, Миа тяжелым шагом пошла к светофору и уже собиралась нажать на кнопку, как вдруг ее осенило.

Твою мать...

Дрожа, она достала визитку с телефоном из заднего кармана джинсов и дрожащими пальцами набрала номер.

– Мунк слушает.

– Кажется, я знаю.

– Кто это?

– Миа. Миа Крюгер. Мне кажется, я поняла, что пропустила.

– Так-так?

– Гипс. Его гипс. Он же сломал руку, да?

– Ну да...

– Он подписался на нем.

– Кто?

– Преступник. Он его подписал.

– Как?..

– Все остальные надписи – имена целиком, – продолжила Миа. – Но не его имя. Только одна буква. Сами посмотрите. Какая же я дура, что сразу не поняла.

– Давай обсудим это завтра? – У Мунка был сонный го-

лос. – У нас общий бриф в девять. Ты придешь?

– Я подумаю.

– О'кей, хорошо.

Улыбнувшись про себя, Миа убрала телефон в рюкзак, и тут на светофоре загорелся зеленый свет.

Двенадцатилетняя Лидия Клеменс сидела на корточках в маленькой рощице, крепко держа лук с натянутой тетивой, и думала, как грустно, что скоро наступит конец света. Что вся красота вокруг исчезнет. Цветущая перелеска около пня. Пасущиеся на болоте косули. Зеленые листочки на большой березе, под которой она часто отдыхала, когда ходила на прогулки. Всего этого скоро не будет только потому, что злые люди уничтожают планету. Лидия точно не знала, когда это случится, но осталось недолго, ведь так сказал дедушка Вилли. Поэтому они и жили тут вдвоем, научившись обходиться без помощи других. Какая долгая и темная зима их ждет. *Вечность*. Все замерзшее, снег и холод. И все должны стараться изо всех сил заботиться о себе, пока матушка-земля не избавится от плохих людей – от тех, кто не печется ни о себе, ни о планете. Как жалко, что этот прекрасный мир скоро исчезнет. Особенно сейчас, когда только пришла весна.

Лидия насчитала четырнадцать видов весенних цветущих растений только по пути сюда. Желтый гусиный лук, орешник, мать-и-мачеха, ветреница дубравная, будра плющевид-

ная, вороника черная, крокус, примула, селезеночник, вербная сережка, пушица влагалищная, маргаритка, волчье лыко, лютик-чистяк, яруточка сизоватая и осока гвоздичная. Ну и, конечно, перелеска – она самая красивая. Девочка обожала фиолетовый цвет, а перелеска как раз почти целиком фиолетовая, правда, только шесть лепестков, окружавшие многочисленные белые тычинки. Может, и не полностью фиолетовая, но прекрасная. У перелески, как и у всех цветов и растений, есть *настоящее название*, латинское, как называл его дедушка Вилли, когда вел для внучки уроки в их маленьком домике. *Hepatica nobilis*. Hepatica означало печень – большой орган, расположенный у человека внизу грудной клетки справа. Благодаря ему организм очищается. Листья перелески формой напоминают печень.

Дедушка Вилли также рассказывал Лидии про учение о сигнатурах, древнее верование в то, что похожее лечит похожее. Поскольку у перелески листья в форме печени, ими и лечили ее болезни. В лесу есть и другие растения с органами в названии, например, пустырник сердечный, почечный чай, горечавка легочная. Самое известное и ценное растение – мандрагора. Ее корень похож на человеческую фигуру, поэтому люди верили, что им можно излечить все что угодно, и до того, как они уничтожили народную медицину своими новыми технологиями, корни мандрагоры очень дорого стоили и им приписывали магическую силу.

Двое учителей, с которыми Лидия должна была говорить

один раз в год, всегда смотрели на нее немного странно. Посетив в первый раз Лидию в их маленьком домике, они, выходя из него, покачали головами, и девочка случайно услышала их слова: *Не может же ребенок жить в таком месте?*

Дедушка Вилли тогда страшно рассердился, будто с цепи сорвался, когда она рассказала ему об услышанном и спросила, что такое организация по охране детей. Обычно он не злился. Он добрый, дружелюбный и очень веселый, и Лидии повезло, что вечность она проведет именно с ним. Дедушка Вилли умнее всех на свете. Он знает абсолютно все, и Лидия на его уроках часто сидела, открыв рот, впечатленная знаниями дедушки. Он как ходячая энциклопедия. Лидия мало где бывала, только в Вассендене в те редкие разы, когда они стали покупать некоторые продукты, которые не могли вырастить сами. Сахар, например.

Но при этом она столько всего знала о мире. В стране Египет, в городе под названием Александрия, когда-то была одна из крупнейших библиотек на свете, в которой хранился огромный объем знаний, необходимый, чтобы жить всем вместе в гармонии. Но потом злые люди сожгли ее, и большинство знаний пропали. Эти люди убедили других на земле, что в небе живет человек, наблюдавший за всеми ними. И если не делать как он говорит, все жители Земли сгорят в месте под названием ад. Люди стали нервничать и бояться, и хотя были и те, кто пытался протестовать и говорил, что это неправда, такие как дедушка Вилли, в конце кон-

цов злые победили. И теперь все население планеты должно, склонив голову, вымаливать у человека на небе помощь и прощение, если сделали что-то плохое, а еще отдавать заработанные ими деньги, потому что, хоть этот человек на небесах все знает и видит, зарабатывать деньги сам он, видимо, не умеет, а их нужно много, поэтому он назначил специальных людей, знающих, что ему необходимо, собирать деньги.

История. И биология. Эти предметы нравились Лидии больше остальных. Еще физика. Ой, она чуть не забыла про математику! Ее она любила больше всего на свете. Дедушка Вилли – лучший учитель в мире, все, что он рассказывал, было интересно, а не как у тех, кто приходил проверять ее раз в год. Они посмеивались над ней, даже не зная, что такое учение о сигнатурах. За что Лидия любила математику? За числа – они повсюду. В тетиве лука, которая сейчас натянута перед правым глазом девочки. В листьях ясеней на другом конце болота, которые тоже позеленели. Лидия наблюдала за ними весь год, потому что дедушка сказал, что ясени добрые и помогают людям. И точно, он был прав, как и всегда. Однажды она обняла один ясеня и услышала шепот: *ты принцесса. Принцесса вечности.* С тех пор девочка навещала деревья почти каждый день, когда было не слишком много дел в домике. А так бывало часто, потому что нужно же не только в доме готовиться к грядущему концу света. Ведь сколько запасов им необходимо? В маленький домик много не поместится, ясное дело. Там была только кухня, ванная,

дедушкина комната, ее комната и класс. Поэтому очень хорошо, что дедушка Вилли выкопал секретный бункер в земле, потратив на это почти всю жизнь. Вход в него никто не сможет найти, если не знать. Вот там было много места! Почти целый зал! Там тоже можно спать и быть в безопасности, когда злые люди начнут свои войны. Потому что с них все и начнется. С войн. В мире уже они идут. Почти каждый вечер, после того как Лидия, прочитав одну из книг, которые дедушка взял для нее в библиотеке в Вассендене, и сходяв в ванную перед сном, дедушка Вилли рассказывал ей последние мировые новости. Лидия, конечно, знала, что такое газеты, интернет и телевизор, но в лесу у них их не было. Потому что они распространяют только ложь. Всеми ими владеют те, кто верят в мужчину на небе, и они хотят использовать людей, заставляя их покупать ненужные вещи, которые в конце концов уничтожат мир. Но у дедушки есть радио. Не маленький приемник с торчащей антенной, а настоящая радиостанция с длинными радиоволнами. Она стояла в отдельной комнате в бункере, и с помощью нее дедушка связывался с другими такими же, как они, добрыми людьми, кто тоже готовился к концу света. И когда наступят лучшие времена, все они приедут познакомиться друг с другом на первозданно чистой прекрасной планете.

Сейчас воют на Шри-Ланке.

Дедушка Вилли стоял сзади, пока Лидия расчесывала светлые волосы, чтобы не путались.

Сейчас война в Анголе.

Когда она смывала золу со скул, которую наносила перед охотой, чтобы солнце не слишком сильно слепило в глаза.

Все еще идет война в Афганистане.

Когда чистила зубы.

На Западном берегу Иордана опять убивают.

Лидия никогда не видела войн, только читала о них и слушала рассказы дедушки. Война – это когда обычные люди, такие как они с дедушкой, убивают друг друга с помощью оружия, потому что не могут о чем-то договориться. В основном они не могут договориться, какого цвета волосы у человека на небе или о том, разрешал ли он что-то или нет. Люди имеют разные мнения и из-за этого убивают других. Иногда они не могут решить, кто какой частью страны владеет, или чья это река или горы, и начинают войны. Война – конец всего, и сейчас ситуация в мире зашла уже так далеко, что скоро наступит *вечность*.

Лидия опустила лук и снова загрустила оттого, что все красивое вокруг нее исчезнет. У нее нет друзей, она не знает ни одного ребенка, этот мир – единственное, что у нее есть. Не то чтобы этого мало, нет, она любит деревья, речку, птиц – все вокруг – и страшно расстроится, когда тьма дойдет и досюда. Как странно. Какое все хрупкое. Вот как сейчас, к примеру. Косуля только что была у нее на мушке. Если бы девочка отпустила тетиву, стрела пролетела бы через болото и попала красивому зверю в голову, и жизнь

его была бы закончена. Косуля не смогла бы дышать, сердце остановилось бы через одну секунду – и это только потому, что Лидия разжала пальцы, позволив стреле полететь. Ну разве это не странно? Почему все, что нас окружает, не может быть... круче? Чтобы природа и животные, и добрые люди тоже, смогли противостоять злу? Она задавала этот вопрос дедушке на открытом уроке – на таких уроках они не следовали программе, и Лидия могла спрашивать все, что ей интересно. Но у дедушки на это ответа не было. Он только расстроился. Почесав большую бороду, он с грустью покачал головой и посмотрел на внуку добрыми карими глазами. *Я бы тоже хотел это знать, моя дорогая.*

Тогда Лидия поняла, что хоть дедушка Вилли и умнее всех на свете, но и он знал не всё.

Вот, к примеру, тот дом в глубине леса.

Он о нем ничего не знал.

Или о том, что ей не хватает других детей.

Чтобы с ними играть.

Что иногда по телевизору показывают интересные и веселые передачи, заставляющие ее смеяться и чувствовать тепло внутри.

Что туда-то она сейчас и собирается.

В дом в глубине леса.

Она обнаружила его совершенно случайно.

А теперь ходила туда так часто, как только осмеливалась.

Чтобы подглядывать в окна.

Иногда живущий там мужчина включал телевизор. Ей было стыдно, но оторваться она не могла. Последний раз Лидия подобралась к самому окну. *Ох, как же здорово было.*

Она смотрела, как кукла-лягушка говорила с куклой-свинкой, которая явно какая-то фея, потому что была одета в очень красивое платье и могла заставить вещи исчезнуть, взмахнув волшебной палочкой.

Посмотрев на лучи слабого солнца на небе, девочка немного подумала.

Да, все будет нормально.

Она успеет вернуться еще до ужина.

Улыбнувшись про себя, Лидия Клеменс засунула стрелу в колчан, закрепила лук вокруг груди и побежала по топкому болоту к лесу на другой стороне.

12

Утро вторника. Прошло сорок восемь часов. В лифте на третий этаж Фредрик Риис не мог вспомнить, когда в последний раз так плохо спал. Обычно со сном у него проблем не возникало. Но с такими делами... Когда он впервые в жизни увидел труп, конечно, его психика тоже среагировала – пожилую даму убили в собственной постели в районе Сагене, и Фредрик был одним из первых на месте преступления. Но сейчас? Нажав на кнопку лифта, он попытался взять себя в

руки. Он увидел свое отражение в блестящих дверях и отвернулся, не в силах видеть себя сегодня, точно так же, как и только что в ванной дома, сонный и уставший, пытающийся найти зубную щетку. Вчерашняя сцена не выходила у него из головы. То, что он увидел в маленькой красной будке с колл-боксом. Просто чудовищно, такое обычно показывают только в кино, настолько это ужасно и исполнено зла. Фредрик не был готов к такому, это зрелище взломало его оборонительный щит, и с того момента подробности увиденного так и стояли в глазах. Два часа, может, три он крутился в постели, отчаянно пытаясь заснуть, отлично зная, какой сегодня день и как ему нужны силы для работы. Общий бриф спустя сорок восемь часов. Это всегда поворотная точка. Они с Мунком вместе раскрыли уже пять преступлений, и ход работы его опытного начальника всегда был одинаков. Первые два дня никаких эмоций. Только сбор информации. Если не было конкретных зацепок. Тогда, во время первого расследования, сидя на брифинге, Фредрик, поддавшись эмоциям, ерзал на краю стула, а Мунк выглядел спокойным. Пожилую даму убили в собственном доме, почему они ничего не делают? Ну надо же делать хоть что-то! Но Фредрик быстро понял, как нужно работать. *Это не спринт, а марафон.* Фредрик Риис все-таки бросил взгляд в блестящие двери лифта, чтобы проверить, не слишком ли ужасно выглядит, потому что чувствовал он себя именно так. Может, настала его очередь? Он слышал истории про самых закаленных следовате-

лей, которые десятилетиями не проявляли чувств, и вдруг появилось дело, которое пробивало броню. Может, так же случилось и с ним?

Склонив голову, он прошел в маленькую дверку.

Вонь.

Фредрик не знал, что это за запах.

Сырости.

Чего-то сгнившего.

Нечеловеческого.

На полу разбросаны листы. Обложки с женщинами топлес. Видимо, это приманка. Эротические журналы привлекают мальчишек в одиннадцать лет.

Вдоль стены бутылки из-под лимонада и миниатюрные бутылочки из-под алкоголя.

Кола.

Сулу¹⁰.

Пустые пакеты из-под сладостей.

Его затошнило.

Заправив рубашку в брюки и убрав светлую челку набок, Фредрик Риис попытался придать лицу нормальное выражение, и двери лифта открылись.

Переговорная. Войдя в нее, он старался не смотреть на новые фотографии на стене и выбрал себе место в заднем ряду. Хоть бы это состояние было ненадолго. Наверное, просто шок. Скоро пройдет.

¹⁰ Популярная норвежская газировка.

Все были в сборе. Неожиданное чувство, но приятное. Что все они заодно в раскрытии этого дела.

– Итак, – нетерпеливо начал Мунк, стоя у экрана. Судя по виду следователя, он тоже мало спал этой ночью.

Волосы взъерошены. Вчерашний серый свитер и коричневые вельветовые брюки. Почесав бороду, здоровяк-начальник потянулся за пультом от проектора.

На экране появилось фото мальчиков.

– Рубен Лундгрэн. Одиннадцать лет. Томми Сивертсен. Одиннадцать лет.

Новый снимок, на этот раз уже с места преступления.

– Найдены на земельном участке в нескольких сотнях метров от своих домов. Рубен полностью обнажен, Томми – до трусов.

Новый снимок. Более крупный план.

– Обоих мальчиков задушили, вероятно, с помощью стальной проволоки или рыболовной лески.

Еще фотография.

– По данным Вика никаких следов сексуального насилия нет, как и внешних повреждений.

Мунк снова нажал на кнопку, и Фредрику пришлось отвернуться на мгновение. Снимок внутри будки колодца.

– Это в четырехстах метрах к югу от места обнаружения тел.

Новые снимки крупным планом.

– В этих бутылках от лимонада и этих бутылочках от ал-

коголя найдены остатки снотворного.

– Сукин сын.

Это нарушил тишину Карл Уксен.

Бросив на него взгляд, Анетте Голи приложила палец к губам, но мускулистый полицейский не мог себя сдерживать.

– Да чтоб его черт побрал. Конфетки, алкоголь и порно? А потом он накачал их и убил?

– Карл, – перебил его Мунк.

– Да какая сволочь так...

Карл Уксен.

С ним Фредрику хотелось работать меньше всего. Риису не очень понравилось, когда он узнал, что бывший боксер будет в их команде. Он не вполне понимал зачем. Мунк ведь предпочитал ум силе. Посмотреть только на Анетте Голи. На Катю ван Бург. Да хоть на самого Фредрика, раз уж на то пошло. А этот? Здоровый мужик метр девяносто ростом, с усами и татуировками моряка, одевавшийся словно канадский лесоруб? Фредрик, конечно, знал о его заслугах. Карл Уксен. Полицейский, знакомый со всей организованной преступностью восточной Норвегии. По неведомой причине преступники впускали его в свой круг. Обычно они бежали от полиции как от чумы, но с Уксеном всегда соглашались поговорить. Если было совершено ограбление или на границе задержали полный таблеток трейлер, Уксену достаточно было только позвонить, и через несколько минут он уже точно знал, по крайней мере, кто этого *не* делал. Доволь-

но необычный человек и ценный ресурс для полиции. Но здесь, в их отделе? Нет, Фредрик так и не привык к нему.

Как бы то ни было, Уксен произнес вслух то, что думали все собравшиеся.

– Не будем делать поспешных выводов, но похоже, что так и было, – сказал Мунк и снова переключил слайд.

Общий план.

Участок.

Старая школа.

Гравийная площадка.

Стрельбище.

– Как видите, колодец тут. Скрыт в лесу. Пока не подойдешь близко, его не увидишь. Как сказал Карл. Возможно, что преступник заманил их сюда и накачал. Позднее он задушил их, раздел и доставил на участок, где расположил тела так, как мы их и нашли.

– В белом фургоне? – спросил Людвиг Грёнли, сидевший с ноутбуком на коленях.

– Возможно, – сказал Мунк и снова нажал кнопку. – Как вы все уже знаете, мы зафиксировали кадры такого фургона с четырех камер. «Пежо Боксер».

На экране появилась фотография белого фургона.

Мунк переключил обратно на снимок общего плана.

– Проезд фургона был зафиксирован вот *здесь*. В субботу около четырех дня. Затем *здесь*, в субботу около восьми вечера. И *здесь*, в ночь с субботы на воскресенье, примерно в

час, и наконец *здесь*, в воскресенье в семь утра.

– Значит, он продержал их всю ночь? В будке?

На этот раз вопрос задала Катя ван ден Бург. Давно у нее не было такого серьезного выражения лица. С этой высокой нидерландкой Фредрик всегда ждал возможности посотрудничать. Они сразу же нашли общий язык, еще когда работали в Грёнланде. Он точно не знал, как Катя оказалась в Норвегии. Ходили слухи, что она познакомилась с норвежцем на службе в армии в Афганистане, а потом оказалось, что Норвегия ей понравилась больше, чем он. Она хорошо говорила по-норвежски, с небольшим акцентом и рубленой ритмикой, который часто бывает у иностранцев. Очень красивая с характерной нидерландской внешностью – высокая, стройная, с высокими скулами. Катя всегда активно жестикулировала при разговоре и никогда не упускала возможность ответить язвительную реплику. Сколько раз они с ней смеялись до слез – Катя была единственной из коллег, с кем Фредрик встречался в нерабочее время. Правда почтовые марки ее не интересовали. Однажды, когда он рассказал ей, что купил сине-зеленую марку с королем Хоконом тысяча девятьсот десятого года выпуска и заказал в Лэрдале еще одну тысяча восемьсот семьдесят пятого года номиналом в двадцать эре, она покачала головой и спросила, сколько ему лет.

А вот фильмы – другое дело. За ними они и проводили время. Фредрику так нравилось в ее компании, что в какой-то момент он даже думал, что влюбился. Когда однажды

вечером он подсел к ней чуть ближе, она со смехом отмахнулась от него. *Ты серьезно, Фрикк?* Но приходить не перестала. Слава богу. В эти дни в кино идет фильм Кубрика «Космическая одиссея», и Фредрик думал позвать ее, но сейчас, конечно, не время.

У них есть дела поважнее.

– Еще раз, мы можем предположить это, но знать наверняка на сегодняшний день – нет, – сказал Мунк, показывая новый слайд.

Вероятные подозреваемые.

– Людвиг?

– Мы составили список всех четырнадцати кандидатов, находившихся на расстоянии в пределах разумного в момент совершения преступления. Это осужденные за педофилию и другие, попавшие на наш радар.

– Как вы знаете, у нас отдельная команда в Грёнланде, – перебила его Голи. – Они собирают все наблюдения и наводки от жителей.

– Прodelав кросс-проверку, – продолжил Грёнли, – у нас остался один весьма любопытный кандидат.

Мунк открыл новый слайд.

– Филип Петтерсен.

На снимке оказался мужчина лет пятидесяти пяти с седой в волосах и кустистыми бровями. Фотография плохого качества, словно ее сделали издалека.

– Об этом Петтерсене нам сообщили из разных источни-

ков, – пояснила Анетте, заглянув в свои бумаги. – Раньше он работал охранником в школе Финстад – в эту школу ходили убитые мальчики, но несколько лет назад его отстранили после бесконечного количества жалоб на неприемлемое поведение. Всех подробностей нам не сообщили, но по словам местных жителей, речь шла, в числе прочего, о съемке детей в душе и попытках общения с ними вне школы.

– Мы проверили Филипа Петтерсена по нашим базам и нашли несколько дел, – продолжил Грёнли. – Приговоров нет, но заявлений на него было подано четыре штуки.

– По какому поводу? – спросила Катя.

– Одни и те же действия. Приглашал детей к себе домой, приходил на детские площадки – и тому подобное, но до суда не доходило.

– Находиться на детских площадках не запрещено же, – язвительно отозвался Уксен, скрестив руки на груди.

– Именно, – кивнула Голи. – Поэтому он и не за решеткой, но опасения со стороны родителей явно были не на пустом месте, и, как я уже говорила, его уволили из школы.

– Что ж, – сказал Мунк, снова нажав на кнопку. – Филип Петтерсен.

Он оглядел собравшихся.

– Наши патрульные следят за ним уже почти двадцать четыре часа. Сегодня мы хотим нанести ему визит.

– Сорри, – перебила его Анетте Голи. – Забыла сказать, что восемь лет назад Петтерсен был зарегистрирован по ад-

ресу в Гётеборге. Всего в часе езды от шведского места преступления. Потом он сменил адрес, секунду...

Она снова заглянула в свои бумаги.

– Да, он сообщил о возвращении в Норвегию, в Лёренсбург, в августе тысяча девятьсот девяносто третьего, всего через месяц после тех убийств в Швеции.

Собравшиеся забормотали.

– Итак, – Мунк опять взял слово. – Филип Петтерсен, пятьдесят один год, бывший охранник. После брифа поговорим о нашей стратегии работы с ним, я сообщу, кто будет участвовать.

Все зашевелились и почувствовали небольшое облегчение. Фредрик Риис ощутил на своем усталом лице улыбку.

Наконец у них есть зацепка.

– Можно я?... – начал Уксен, но его тут же прервал Мунк.

– Повторюсь – я сообщу вам, как мы проведем разговор и кто будет этим заниматься, но надо сказать, что я относился бы к этому с осторожным оптимизмом.

В свете проектора на лице Мунка появилось подобие улыбки.

– А пока продолжим. Демография наших жертв. Семьи, друзья, учителя. У кого что есть?

Фредрик с Катей одновременно подняли руки.

– Катя, слушаем.

– Томми Сивертсен жил один с матерью, Ханной Сивертсен. Как вы уже слышали, я должна была забрать ее в аэро-

порту, но ей стало плохо, и ее не пустили на борт. Сейчас она...

Анетте бросила взгляд в тетрадку.

– В госпитале «Витас» в Аликанте. Вчера вечером я говорила с ее лечащим врачом, он почти ничего мне не сообщил, но я связалась с представителем из Министерства иностранных дел, он сегодня заедет в больницу сюда и сообщит мне всю информацию.

– Хорошо, – кивнул Мунк.

– По другим родственникам я нарыла немного. Отец, видимо, неизвестен, а у Ханны, матери, есть сестра в Финнмарке, но, судя по всему, они давно не общались.

Она полистала свои записи.

– Что по соседям. Те, кто, по словам матери, должны были присмотреть за мальчиком, изменили показания. Теперь они говорят так: *Да, мы должны были, но не знали, что на этой неделе...*

Нидерландка покачала головой и поднесла к губам воображаемую бутылку.

– Там каша в голове. Я с трудом зашла в их квартиру – все завалено пустыми бутылками.

– Хорошо, спасибо, – сказал Мунк и хотел было идти дальше по списку, как вдруг у него зазвонил телефон.

Он посмотрел на дисплей и неожиданно улыбнулся.

– Перерыв пять минут, а потом я вас кое с кем познакомлю, хорошо?

Переполненная всем произошедшим за последний час, Миа Крюгер сидела в кабинете у Мунка. Накануне вечером она несколько часов ходила туда и обратно по Майорстувейен, но чуда не случилось. Без сил она рухнула в постель – к счастью, в пустой квартире, соседская вечеринка кончилась – снова с грызущим чувством, что ее обманули. Полли. Наркоманка из Бергена. Миа так и осталась наивной дурочкой. Думала, что наркоманы с площади хотят ей помочь. Как-то один из них сказал ей: *Нельзя доверять нарикам. За дозу мы сделаем все что угодно, скажем все что угодно – нас волнует только доза. Увы.* Он косо ухмыльнулся, обнажив коричневые зубы, и протянул руку, в которую Миа положила несколько десятков крон. *Одна из тех, кто путешествует.* Что это значит? Наверное, бред какой-то.

Миа уснула с мыслью о фотографиях гипса на руке мальчика. Все имена написаны полностью. И вдруг эта буква, стоит особняком, в самом низу, с точкой.

«W».

У нас общий бриф в девять.

Ты придешь?

Как ни странно, Миа проснулась отдохнувшей.

Боже, Миа!

О чем тут думать?

Конечно говори «да».

В трамвае полно людей – по их лицам видно, что они явно не в восторге от грядущего дня. А Миа улыбалась всю дорогу, ощущая, как колотится сердце под курткой. Чуть ли не с гордостью, остановившись перед колоннами, она посмотрела на здание кремового цвета. Немного опоздала, но он не будет сердиться. Его лицо со светло-рыжей бородой озарила улыбка, когда он вышел из лифта, готовый практически обнять Мию.

Добро пожаловать, Миа.

Как здорово.

Я очень рад.

Пойдем, познакомимся со всеми.

Обходя большую комнату для брифингов, Миа вдруг неожиданно растерялась. На стенах новые фотографии. Картинок из порножурналов. Бутылок из-под лимонада.

Она никак не могла сосредоточиться.

Рукопожатия, кивки, улыбки.

Катя.

Высокая, как олимпийский атлет.

Привет, привет.

Фредрик.

В костюме и с приветливой улыбкой.

Привет!

Карл Уксен.

Громогласный и с татуировкой якоря на руке.

Людвиг и Анья.

Привет, мы уже знакомы.

Анетте Голи.

В том же костюме банковского клерка, но сама намного дружелюбнее.

Я набросала для тебя рабочий договор. Обсудим после брифа.

И вот ее взяли в оборот.

На этот раз говорить нужно перед целой аудиторией.

Опять эти фотографии.

Мунк подготовил серию снимков специально для Мии. Словно гордый отец, он сидел у экрана, переключая слайды и комментируя их, освещенный лучом проектора.

Но ощущения, что она в цирке, не было.

Слава богу.

Как ни странно, все выглядело правильно.

На этот раз все по-другому.

По-настоящему.

Полицейские приняли ее с распростертыми объятьями, а она пока не могла понять, как к этому относиться, все произошло слишком быстро.

– Я решил рискнуть, – улыбнулся сидящий с сигаретой в зубах Мунк и достал что-то из выдвинутого ящика письменного стола.

Он положил на него карточку на ремешке для шеи.

– Это мне?

– Раз будешь у нас работать, тебе нужно удостоверение.
И, что не менее важно, вот это.

Он отпер другой ящик и положил на стол пистолет.

– Ты знакома с этим?

– Да.

Кажется, Мунка не вполне устроил ее ответ, и она продолжала:

– Глок семнадцать, safe action, девять миллиметров, семнадцать патронов в магазине, с опцией до тридцати трех. Производство Австрия, Glock Ges. Популярный во всем мире пистолет, особенно у военных. Приобрел популярность после фильма Брюса Уиллиса «Крепкий орешек 2».

– Э-э...

– Да, я знаю, что его называют Глок семь, но на самом деле это семнадцать. Четвертое поколение, как этот.

Миа кивнула на пистолет и нащупала в кармане мятную пастилку.

Мунк слегка засмеялся.

– Я имел в виду, умеешь ли ты стрелять.

– А, извините. Умею. Но ведь полицейским в Норвегии нельзя носить оружие.

Мунк снова улыбнулся и извлек магазин из рукоятки.

– Да-да. Ты скоро увидишь, что у нас тут много привилегий, поэтому мы и отделились от остальной полиции. В том числе и ношение оружия.

Он написал что-то на бумажке и придвинул к Мии.

– Что это?

– Твоя зарплата.

Миа потеряла дар речи.

– В кронах.

Мунк с улыбкой откинулся на спинку кресла.

– Вот это да, ничего себе...

– Анетте позже зайдет, чтобы ты подписала договор. Так что, мы договорились?

Снова улыбка и рука, протянутая к Мии.

– Добро пожаловать в команду. Мы подготовили тебе кабинет, в углу в самом конце коридора. Я попросил Людвига отобрать для тебя самое важное по Швеции, чтобы тебе было с чего начать. Еще там будет лежать папка по Филипу Петтерсену, со всеми данными, что нам удалось собрать на этот момент. Что-то мне подсказывает, что он не имеет отношения к делу, но надо же с чего-то начать.

Миа последовала по коридору за новым начальником.

– Скажи, если тебе что-нибудь понадобится, хорошо?

– Хорошо, спасибо, – пробормотала она и осторожно пошла по коридору в поисках своего кабинета.

14

Фредрик Риис сидел около учительской в школе Финстад, довольный заданием Мунка. Школа. Учителя. Дети. Люди, окружавшие мальчиков, которых больше нет в живых.

Траурный приспущенный флаг колыбался на легком ветру, атмосфера в желтом здании была соответствующая. Тихий ужас. Еле слышный голос директора в кабинете: *Силье вас примет, как только закончит вести урок в пятом классе, после этого она в вашем распоряжении. Классный руководитель шестого «В». Она знает о мальчиках больше всех. Мы обсудили политику конфиденциальности, но полицейские, которые приходили вчера, сказали, что она отменяется в случае смерти, это так? Я поговорила с руководством школы, они обещали помочь, но в пределах разумного. Не то чтобы нам было что скрывать, но у нас же есть свои опасения, не так ли? За других учеников. Родителей. Кстати, вы что-то знаете про похороны? Все, конечно, хотят пойти, но у нас три сотни учеников и тридцать учителей, всем же не хватит места в церкви? Наверное, в обычных обстоятельствах эта женщина за пятьдесят, с короткой стрижкой и очками в белой пластиковой оправе, строгий руководитель, но сейчас ее взгляд был отстранен, а ответственность за случившееся, которая навалилась на нее, явно оказалась ей не по силам. Директор. Потерявшая двоих учеников. Она придет через десять-пятнадцать минут, не позже. Вы что-нибудь хотите? Воды? Или чашку кофе?*

Фредрик отказался, но ее слова напомнили ему, что он обещал позвонить семье.

Похороны.

Судмедэксперты закончили исследования, но Мунк

остался не вполне доволен, и тела отдадут только через несколько дней.

В кармане Фредрика запищал мобильный, а в школе прозвенел звонок. Двери плавно открылись, и из классов молча вышли дети, оделись и исчезли за выходом.

Увидимся вечером?

Вздохнув, Риис покачал головой.

– Здравствуйте. Это вы хотели поговорить со мной?

Любопытный взгляд из-за стопки книг в руках. Он поднялся и кивнул.

– Фредрик Риис.

– Силье.

– Где мы можем?..

– Да-да, сейчас, – улыбнулась светловолосая учительница и показала ему дорогу в комнату чуть дальше по коридору.

Три парты поделили так, чтобы получилось шесть рабочих мест. Столы были завалены доверху. Норвежская школа – одна из лучших в мире, а ресурсы все равно ограничены; Фредрик прочел в газете пару дней назад, что школы планируют забастовки. На этот раз не из-за зарплат, а из-за нехватки денег на новые учебники. Те, что есть сейчас, безнадежно устарели, и если верить худшим из них, Улав все еще был королем Норвегии, а Рональд Рейган – президентом США, или, к примеру, в учебниках по труду было написано *как важно женщине правильно организовать пространство на кухне*. Так что да. Риис хорошо понимал их. Забастовок еще пока

не было, а ютившиеся в маленькой учительской преподаватели уже явно были в курсе грядущей, и Фредрик надеялся, что вскоре они с Силье останутся тут вдвоем.

– Хотите что-нибудь? Кофе? Может, чай?

У Фредрика Рииса не было так называемой полицейской хватки – он не умел подмечать детали и описывать лица до мельчайших подробностей. Отработка этого навыка на учебе ему давалась нелегко. Наблюдательность явно не была его сильной стороной. Все внимание Фредрика занимало то, что он чувствовал в присутствии новых людей. Он сразу начинал размышлять, какие они на самом деле. Как и почему оказались на своем месте. Что заставило их выбрать именно такой жизненный путь. Какими они были в детстве. В юности. Такое приходило ему в голову. Что они делали дома. Когда никто их не видел, например.

Пару лет назад, когда Мунк попросил Фредрика описать пожилого мужчину, которого тот допрашивал, начальник остался разочарован – выговора никакого не было, просто тяжелый вздох. С того дня Фредрик старался больше внимания уделять внешности людей.

Силье Симонсен оказалась красивой женщиной, наверное, немного за тридцать. Голубые глаза, блондинка с волосами ровно до плеч. Без кольца. Значит, не замужем? Он бросил беглый взгляд на заваленный стол и не нашел никаких фотографий мужа или детей. Бежевая хлопковая кофта на худых плечах. Джинсы с немного вытертыми коленями,

крэссовки на плоской подошве, красные «Адидасы». Веснушки.

– Я не отниму у вас много времени, – начал Риис, вынимая из кармана пиджака фотографию.

Она удивленно посмотрела на нее.

– Но почему...

– Это конфиденциальная информация, поэтому я попрошу вас не распространяться о ней, хорошо?

– Конечно, – осторожно кивнула она.

– Я прошу вас, если возможно, сделать вполне конкретную вещь – идентифицировать все подписи на гипсе.

– Всех, кто подписался на гипсе?

– Да. Как думаете, сможете?

Взяв фотографию в руки, Силье с любопытством посмотрела на нее.

– Узнаете кого-нибудь?

– А? Да, конечно. У нас есть Тронд, Сильвиа, Бенте, Эйнар... но почему?..

По ее лицу Фредрик увидел, что она сама ответила на свой вопрос.

Мы думаем, что это подпись убийцы.

– Вы что, ищете?..

Нахмурившись, она сжала губы.

– Мы пока не знаем. Просто должны это прояснить. Больше я сказать не имею права.

– Конечно, – пробормотала Силье, рассматривая снимок.

– Я почти всех тут знаю. Они из одной компании, понимаете? В классе. И играют в одной футбольной команде. А трое из них еще фехтованием занимаются.

– Рубен ходил на фехтование?

– Да.

Риис достал из кармана блокнот и взял ручку со стола.

– А это, насколько я понимаю, его сестра?

Слегка улыбнувшись, она показала пальцем на снимок.

Санне.

Тут ошибиться было невозможно – имя написала пятилетка, наверное, это ее первая попытка подружиться с алфавитом.

– Единственная подпись, которую я не могу распознать, вот эта...

Она снова показала пальцем, вопросительно посмотрев на Рииса.

– «W»?

– В классе никого нет с таким инициалом?

Симонсен немного подумала.

– Нет... у нас таких нет.

Дверь открылась, и какой-то удивленный мужчина, извинившись, собирался снова ее закрыть.

– Здравствуй, Конрад, а у вас в классе «А» есть кто-нибудь на «W»?

– Э-э, что-что?

– В шестом «А» у вас есть ученики с именами на «W»?

– Нет...

– А в «С»?

– Э-э, я не знаю, а что?..

Риис забрал у Силье фото и перевернул его. Улыбнувшись, он кратко кивнул в сторону новоприбывшего учителя – тот понял знак и закрыл за собой дверь.

– Как я уже говорил...

– Ой, извините, – отозвалась Силье Симонсен. – Я не подумала, просто хотела поскорее...

– Все нормально. Но вы же знаете, как быстро распространяются слухи. Пока что лучше пусть это будет между нами.

– Но вы ищете кого-то с именем на букву «W»?

– Я этого не говорил. Мы просто ищем тех, кто подписал гипс Рубена. Это необязательно должно что-то значить. Может, это вообще неважно. Может, его подписал какой-то бездомный, которому мальчик дал денег. Или продавец в киоске, в котором Рубен покупал жвачку. Как только мы выясним, кто это сделал, можем думать дальше. Хорошо?

– Понимаю, – серьезно кивнула Силье и засунула снимок в книгу, чтобы показать, что это останется между ними.

– Так как это произошло?

– Что?

– Его рука. Как он сломал ее?

Она с удивлением посмотрела на Фредрика.

– А вы не знаете?

– Нет...

– Ну, это была большая драма, и до этого...

– Так-так?

– Об этом даже в газетах писали. Рубен стал маленькой звездой – в школе так точно.

– Почему?

– Потому что ему очень повезло.

Она снова вопросительно посмотрела на него, словно не вполне веря, что он действительно ничего об этом не знает.

– Так что случилось? Он откуда-то упал или как?

– О, нет. Машина, в которой он находился, попала в автомобильную аварию. Ему чрезвычайно повезло. Его пришлось вырезать из нее.

– Где это случилось?

– Около «Гриля».

– «Гриля»?

Она чуть посмеялась.

– Сорри, я забываю, что не все все знают. Это крошечное местечко.

– «Гриль». Это какой-то фастфуд?

– Да, на перекрестке Гамлевейен и Нурдливейен. Его отец припарковал машину, Рубен сидел на заднем сиденье. Свидетели говорят, что на парковку на полной скорости заехала машина и просто врезалась в них. И тут же исчезла. Пару недель назад все обсуждали это. Говорят, ему просто неслышанно повезло. Отделался переломом руки. Могло бы быть намного, намного хуже.

– Так значит, это... *hit and run*?

– Я учитель норвежского, так что назвала бы это скрывтием с места ДТП, но вы правы.

Симонсен улыбнулась.

– А водителя той машины так и не нашли?

– Насколько я знаю, нет. Но...

Она немного замялась.

– Что?

– Да нет...

Во взгляде сомнение. Словно она не знала, стоит ли говорить, что думает.

– Вы ведь... я же не знаю. Вы в курсе про отца Рубена... или нет?

– О чем вы?

– Что он?..

Договорить она не успела. Открылась дверь, и зашла директор в своих белых очках.

– Прошу прощения, что прерываю вас, но Рагнару пришлось уйти домой, как думаете, сможете взять класс «С»? Они уже десять минут сидят там одни, никого другого я не нашла.

Извиняющаяся улыбка.

– Конечно, – ответила Симонсен. – Какой у них предмет?

– Религия, но на ваше усмотрение.

Еще один извиняющийся взгляд, и директор вышла.

– Прошу прощения, – сказала Силье, поднимаясь.

– Все в порядке, – кивнул Риис, доставая визитку из кармана. – Сможете перезвонить мне позже? Вечером? Или когда вам будет удобно...

– Обязательно перезвоню, конечно.

Он вернулся на парковку и бросил взгляд на приспущенный флаг. Телефон в кармане несколько раз провибрировал.

На мгновение задумавшись, Фредрик наконец нехотя набрал ответ.

Потому что ты замужем, ясно?

Завел машину и поехал к кафе «Гриль».

15

Людвиг Грёнли был одет в ту же одежду, что и вчера, и Миа поняла, почему он, подавив зевок, пустым взглядом смотрел перед собой в маленькой комнатке. Он почти не спал, провел на работе всю ночь. Мие стало немного стыдно, когда до нее дошло, почему так случилось. Людвиг не спал из-за нее. Видимо, Мунк еще вчера вечером, когда она позвонила, понял, что она придет. Что согласится на работу. Усталое улыбнувшись, Грёнли провел рукой по тонким волосам и кивнул на папки, которые положил Мие на стол. Заправленный под воротник голубой рубашки красный галстук развязан, ее помятая пола выбилась из-за пояса брюк. На ногах – коричневые тапочки, и Миа мгновенно сделала вывод, что Грёнли не из тех, кто бегают по улицам с оружием – он

работал в основном тут, в офисе.

– Ты, главное, не переживай, – сказал он, опершись телом о край стола.

– Из-за чего?

– Если услышишь чьи-нибудь высказывания о том, как быстро тебя приняли на работу. Не все тут такие милые. Зависть, ну ты знаешь, как оно бывает.

– Вообще-то не знаю, – осторожно произнесла Миа.

Грэнли засмеялся.

– Ну конечно же не знаешь. Сколько тебе, я забыл?

– Двадцать два. Скоро исполнится.

– О, двадцать два, – сказал Грэнли, снимая очки. – Молодость. Беззаботное время. Никакой ответственности. Наивность. Поиск любви. Вера в то, что мир прекрасен. Что можно что-то изменить. Наслаждайся этим временем, пока можешь.

– Э-э, спасибо, да, – усмехнувшись, ответила Миа.

– Хе-хе, – хохотнул Людвиг и надел очки на нос. – Ты меня не слушай. Когда я устаю, начинаю философствовать.

– Вы всю ночь не спали?

– Холгер позвонил мне в половине первого. Сказал, что тыходишь на работу и нужно все подготовить.

– Ох.

– Нет-нет, не беспокойся. Мы сами делаем выбор в жизни и должны за него отвечать. Я мог бы стать рыбаком. Вставал бы в пять утра, был бы сам себе хозяин в море. Или священ-

ником. Читал бы проповедь про грехи человеческие, и все, остаток недели свободен. Но я-то здесь. Мунк – начальник, а я выполняю приказы. Это мой выбор, так что жаловаться мне тут не на что.

Подмигнув, Грёнли почесал лоб.

– Так, на чем я остановился?

Улыбнувшись, Миа протянула ему кофе, который вообще-то налила себе по дороге.

Он взял кофе и продолжил стоять, неуверенно оглядывая кабинет.

– Папки?

– Да, конечно. Мунк хотел, чтобы я подытожил для тебя все, что мы собрали, но до этого я еще не дошел. Восемь лет расследования, я даже представить не могу, каково им было работать над этим делом. Но нам повезло – умные головы в Грёнланде рассортировали все в порядке приоритетности. Если бы не они, мы бы тут до Рождества сидели, только чтобы привести все в порядок.

– Так что вы мне принесли? – спросила Миа, с любопытством посмотрев на стол.

– Самое важное, что мы нашли на данный момент, – начал Грёнли, сделав глоток кофе. – В первой папке – подозреваемые. Их немало, но нам удалось сократить список до троих – тех, кто наиболее привлек внимание следователей за эти годы. Двоих даже хотели судить, но оба раза прокурор помещал этому. Печально, Миа. Сейчас ты пока еще новичок в

этой игре и тебе кажется, что все будет отлично, но поверь мне, пройдет неделя, месяц, год...

Грэнли поднял брови.

– Я понимаю.

– Первое мое дело, над которым я работал почти тридцать лет назад, заняло у нас пять лет.

– Вот как?

– И даже сейчас я все еще не до конца осознал, что мы справились. Нам просто повезло. Преступник сам объявился. Почувствовал угрызения совести. Если бы он не пришел, кто знает, раскрыли бы вообще это дело?

– На этот раз этого не будет, – сказала Миа, открыв первую папку.

– Чего не будет?

– Он не объявится.

– Да? А почему ты так уверена?

– Просто предчувствие.

Она положила фотографии на стол.

– Вот эти трое?

– Ага, – кивнул Грэнли, который, кажется, немного проснулся от кофе. – Я снял все фотографии со стены на случай, если ты захочешь составить из них свою систему.

Он кивнул в сторону лежавшего около выключенного компьютера скотча.

Миа прикрепила первый снимок на стену у окна.

– Стейнар Свенссон, – сказал Грэнли, поставив чашку на

стол. – Сантехник. Проводил работы дома у семьи Хелльберг за несколько недель до случившегося. Кроме того, его видели недалеко от места преступления вечером накануне того дня, когда обнаружили тела мальчиков. У него дома нашли комнату с журналами, фотографиями... ну, ты поняла. Потом оказалось, что он не совсем обычный швед. Девять поездок в Тайланд за последние годы. Но следователи так и не смогли уличить его напрямую в чем-то серьезном, всего лишь предположения.

– Никаких улик?

Гренли покачал головой.

– Странно, правда? Эти чистые места преступления. Ни волоска. Как будто убийца отлично знает, что делает.

Людвиг поднял брови.

– Как это? – с любопытством поинтересовалась Миа.

– Я бы сказал, так бывает *крайне* редко. Обычно улики и выдают преступника. Кровь. Сперма. ДНК с упавшего волоса. Однажды я работал над делом, где убийца плюнул на жертву. Даже я тогда был впечатлен тем, что смогли вытащить из этого криминалисты. Забудь все, что ты читала или смотрела по телевизору, Миа. Мы *еще* умнее, чем думают люди. Нам ничего не стоит найти иголку в стоге сена. Я видел... Ну, ты поняла, о чем я. Но сейчас?

Он с легким удивлением посмотрел на Мию.

– Значит, никаких зацепок?

– Никаких.

– Ни здесь, ни в Швеции?

Людвиг пожал плечами, взглянув на Мию с тем же оттенком удивления.

– Мунк не хочет отступать, он попросил коллег все перепроверить, но...

– Что означает ваш взгляд? – спросила Миа, достав из кармана мятную пастилку.

– Что?

– Вы что-то говорите и одновременно странно на меня смотрите.

Грэнли рассмеялся в голос.

– Мунк меня предупреждал.

– О чем?

– Что ты не такая, как все.

Грэнли подошел к двери и, выглянув в коридор, закрыл ее.

– Раз уж ты спросила напрямую, я считаю, что за всем этим скрывается какая-то недосказанность.

– Так?

– Сама подумай, чистые места преступления, отсутствие улик.

Он замолчал, словно ждал, что она что-то скажет.

– Я не вполне понимаю...

Сделав шаг вперед, Грэнли понизил голос.

– Похоже, он знает, что делает. И очень хорошо понимает, *что* мы ищем. Следственные процедуры не могут знать люди

извне. Их знаем только мы...

– А, вы думаете он...

Приложив палец к губам, Людвиг бросил взгляд на дверь.

– Такое вслух не говорят.

– Полицейский? – тихо произнесла Миа.

– Не исключая этого.

Пожав плечами, он сделал глоток кофе.

– Посмотрим других подозреваемых?

16

Фредрик Риис зашел в кафе «Гриль», и ему в нос ударил запах жареного мяса. Он был вегетарианцем с пятнадцати лет и уже не помнил, когда последний раз бывал в таком заведении. Судя по висевшему над потертым прилавком меню, это место явно не для тех, кто хочет понизить свой уровень холестерина или вообще хоть как-то поддерживать здоровый образ жизни. Официант оказался молодым парнем в красной футболке и красной кепке с логотипом: большая буква «G», лежавшая на чем-то похожем на тройной бургер в окружении двух изогнутых палочек картошки фри, что было очень похоже на логотип более известной сети быстрого питания. Наверняка это заинтересовало бы юристов, если бы кто-то из них сюда зашел, в чем Фредрик глубоко сомневался. Клиенты этого заведения в основном – молодые люди, не занятые ничем другим, кроме посиделок с раскуриванием сига-

рет, тратившие тут свои с трудом накопленные кроны на *двенадцать наггетсов всего за двадцать девять крон или Мегаколу Лёрена (не кока-кола) всего за восемь девяносто девять, плюс одна крона, если пьете в заведении.*¹¹ Риис терпеливо дождался, пока молодой человек за прилавком примет заказ у клиентов, стоявших перед ним, и вспомнил статью, которую не так давно прочитал в британском журнале, пока сидел в приемной у стоматолога. Об основателях сети фаст-фуда. Историю Рея Крока. Американский торговец машинами для приготовления молочных коктейлей однажды случайно зашел в совершенно особенную бургерную в Сан-Бернардино в Калифорнии, которую держали братья Мак и Дик Макдональды. В то время, в «золотые пятидесятые», в подобных заведениях официантки приносили еду сидевшим в своих автомобилях клиентам, что приводило к долгому времени ожидания и маленькой прибыли. Поэтому братья придумали свою концепцию – the speedy system. Рей Крок был впечатлен работой ресторана, и после некоторых уговоров братья Макдональды согласились сделать Крока агентом по франчайзингу. Вскоре между Макдональдами и Кроком начал возникать конфликт. Их не устраивало, в числе прочего, что предприниматель назвал свой ресторан «MacDonald's # 1» и требовал повышения получаемого им процента с доходов. Позже Крок практически вынудил братьев продать

¹¹ В норвежских кафе фастфуда обычно поесть в заведении стоит немного дороже, чем взять еду на вынос.

права на компанию. Сумма сделки составила два миллиона семьсот тысяч долларов. Свой единственный ресторан братья Мак и Дик были вынуждены закрыть под натиском империи Рея Крока. Они были лишены и права на использование названия, происходящего от их собственной фамилии. Уникальная идея. Вжух, и дело всей жизни коту под хвост. Как вообще можно так поступить с людьми? Фредрика так захватила эта история, что он чуть не забыл, что пришел ставить пломбу, почувствовав ярость из-за того, как обошлись с братьями – отняли у них имя и дело жизни. Не то чтобы он столкнулся с таким наплевательским отношением к людям впервые. Он сам долго и безуспешно пытался стать членом собственной семьи, принимал участие в устраиваемых родителями роскошных праздничных ужинах с шампанским и одними и теми же разговорами – у кого сколько денег и как заработать еще больше. Ему приходило в голову – а может, он приемный? Но судя по висевшим на стенах фотографиям, у Фредрика были очевидные внешние сходства с матерью и отцом, так что такая вероятность исключалась, но все-таки.

Да и не очень-то он в них нуждался. Ему и одному было неплохо.

– Слушаю.

Парень за прилавком вырвал Фредрика из этих мыслей.

– Фредрик Риис, полиция, – представился Риис, показав свое удостоверение. – Я могу поговорить с управляющим?

– С Лайлой? – неуверенно произнес парень, вытерев пот

со лба под козырьком форменной кепки.

– Если она управляющая, то да.

– Ее сейчас нет.

На мгновение над заляпанным прилавком повисла тишина.

– Хорошо, а когда она придет?

– Этого я не знаю.

Снова тишина, и за спиной Фредрика раздался звон колокольчика – кто-то вошел в кафе.

– Вы что-то будете?

– Нет, но у меня есть к вам пара вопросов. Поможете мне?

– Э-э, ладно, – официант почесал щеку. – Но у меня клиенты...

– Уверен, они немного подождут. Речь идет об автомобильной аварии на вашей парковке, которая случилась несколько недель назад. Вы случайно не работали в тот день?

– Работал.

– Вы видели, что случилось?

– Нет, я только слышал удар. Вы по поводу того мальчика, да?

– Да.

– Мне всегда казалось это странным, – сказал парень, покачивая головой.

– О чем вы?

– Отец никогда не брал его с собой сюда.

– Они часто здесь бывали? Всей семьей?

– Нет, только отец и сын. Но паренек всегда сидел в машине.

– Может, в этом и нет ничего странного, как считаете? Отец покупает еду, а потом они вместе едят...

– А, нет, – перебил его парень. – Он всегда покупал только себе.

– Отец?

– Да.

– Каждый раз?

– Э-э, у меня же не будет проблем, да?

– Нет, почему вы так решили?

– Ну вы знаете, разговор с копом, все такое...

Достав из кармана тряпку, парень, не глядя на прилавок, стал протирать его.

– Совершенно никаких проблем не будет. Я видел у вас на улице камеры, случайно не удалось записать произошедшее?

Официант покачал головой.

– Они не работают. Стоят только для виду.

– О'кей, а номера этой Лайлы у вас нет?

– Нет.

– Как это нет? У нее нет телефона?

Тут парень замялся.

– Спросите, могу ли я показать вам кое-что на улице, – тихо сказал он, снова проведя тряпкой по прилавку.

– Что?

Парень кивком показал на дверь и произнес вполголоса:

– Ладно, ладно, но только быстро, меня клиенты ждут.

Положив тряпку на плечо, он вышел из-за прилавка и пошел к двери, качая головой.

Группа молодежи за столиком в углу расхохоталась.

– Извините, не хочу без зубов остаться, – осторожно произнес парень, когда они вышли на улицу и завернули за угол. – Копы тут не в почете, если вы понимаете, о чем я.

– Понимаю, – кивнул Риис. – Так значит, это произошло здесь?

– Да. Тут была припаркована машина, и черт его знает как, в нее вдруг врезалась другая, ехавшая прямо по траве с Гам-левейен.

Парень показал.

– Тут такое было. Полиция, пожарные, эвакуатор и хрен его знает кто еще, нам пришлось закрыться – люди не могли пройти к нам. В конце концов спасателям пришлось вырезать его из машины.

– Кого, Рубена?

– Так его звали? Бедный пацан.

– А что вторая машина, просто исчезла?

– Насколько я знаю, да.

– А эти камеры не работают?

– Не, я же уже сказал, они просто для виду. Но...

– Что?

Парень огляделся и подошел на шаг ближе к Фредрику.

– Не хочу быть стукачом, который помогает копам, и все

такое, но на вашем месте я бы навестил Крюппеля, он живет вон в том сером доме.

Он осторожно кивнул в сторону одного из домов на другой стороне улицы.

– Крюппель?

– Да, он чудной. Но у него есть камеры.

– Правда?

– Он редко выходит на улицу. Говорят, у него паранойя с тех пор, как его однажды избили дома, и теперь у него повсюду устройства безопасности – ну, знаете, сигнализация там, куча камер. Их даже отсюда видно...

Парень кивнул в сторону дома, когда один из посетителей кафе высунул голову в окно.

– Можно заказать бургер, Кевин? Или ты там дронишь своему новому дружку?

Из открытой двери раздался смех.

– Крюппель, – повторил Кевин и поспешил обратно в «Гриль».

У Рииса, севшего за руль «Ауди», зазвонил телефон. На другом конце послышался тихий голос Мунка.

– Это Мунк, ты звонил?

– Да, где ты?

– Мы у дома Филипа Петтерсена. Он только что вернулся. Сейчас будем заходить. У тебя что-то срочное?

– Нет, это может подождать.

– О'кей, – сказал Мунк и пропал.

Крюппель?

Кажется, он уже слышал где-то это имя.

Положив телефон в карман пиджака, Фредрик Риис встал и взял ключ в замок зажигания.

17

Мунк вошел в офис на Марибуэсгате, 13, испытывая небольшие угрызения совести, но они быстро прошли, когда он увидел молодую девушку через стеклянную стену маленького углового кабинета. В первый же рабочий день Мунк нагрузил ее по полной программе, но, судя по виду новенькой, это несколько ее не расстроило. Она подвинула стол в самый угол, убрала стул и компьютер подальше от стен и полностью облепила их листами А4, бумажками и фотографиями, аккуратно расположив их рядом друг с другом. Отсюда Мунку не было видно ее систему, но в ее наличии сомнений не было. Миа тихо шептала что-то сама себе, меняя фотографии местами, закрывала лицо руками, потом вдруг бросалась к стене и возвращала обратно только что поменянное.

Мунку пришлось дважды постучать в дверь, прежде чем Миа заметила его присутствие.

– Я тебя отвлекаю?

– Да, – сказала она.

Закрыв рот рукой, Миа полуоткрытыми глазами устави-

лась на фотографии на стене, словно пытаясь их оживить.

Мунк улыбнулся ее ответу. Ну как можно не полюбить эту девочку? С таким миропониманием. Она абсолютно равнодушна ко всяким формальностям. Словно в ее реальности действовали ее собственные правила.

Мунка это очень взбодрило, и настроение начало подниматься. Бесплезная поездка к Петтерсену злила его весь обратный путь, но теперь раздражение стало уходить, пока он с любопытством наблюдал, как Миа в очередной раз перевешивала снимок.

– Это значит, что мне лучше оставить тебя одну?

– Э... чего?

Она бросила рассеянный взгляд на него и будто бы опять удивилась его присутствию.

– Да нет, я просто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.